

конкурс

Мой номер: третий

Мой период: лето 2011

В моём финале: 12 работ

содержание

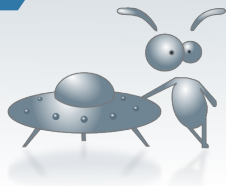
финалисты

отзывы участников

лучшие отзывы

информация о конкурсе

информация о жюри

fantlab.ru

Лаборатория Фантастики

Победители

Бронзовый призер

Должник

автор — MikeGel

Серебряный призер

Я тебя знаю!

автор — левий

Победитель
Приключение для пенсионера

автор — bbg

**Участники фантлабораторной работы
выражают огромную благодарность
(сравнимую, быть может, лишь с
размером нашей галактики)
оргомитету конкурса**

Содержание

Содержание	3
Вступление	4
Информация о конкурсе	6
Информация о жюри	8
Рассказы	10
Приключение для пенсионера	10
Отзывы читателей	16
Отзывы жюри	21
Я тебя знаю!	26
Отзывы читателей	36
Отзывы жюри	40
Должник	44
Отзывы читателей	51
Отзывы жюри	54
Небезнадёжен	59
Отзывы читателей	67
Отзывы жюри	69
Йасси - Еж	73
Отзывы читателей	80
Отзывы жюри	82

ТОТООИИУ♂

Вступление к этой брошюрке

Автор вступления - обычный фантлабовец, коих тысячи
Он был частью конкурса и с удовольствием проиграл остальным участникам

Всем привет!

Я никогда не был и не хотел быть полноценной частью какой либо социальной сети или сайта. Каюсь, сидел в своё время в аське ночами, но что было то прошло. Так вот, бороздя однажды просторы интернета на своём достаточно неплохом самолёте, я оглядывал вершины сайтов, выступающие из облаков ссылок не скажу какого поисковика. Искал я тогда что-то равноценное прочитанному недавно Властелину Колец и думая о том, что где-то наверняка скрывается целый мир непознанных ещё мною книг. Я решил начать с лучших и всё чего я ждал от ресурсов — это рейтинг авторов.

Мимоходом был я и на фантлабе. Сайт тогда пролетел, но запомнился такой серьёзностью — много оценок, отзывов и большущий список книг. Толкиен заслужено стоял на первом месте и я, надо сказать, тогда несколько разочаровался, думая о том, что совсем недавно выхлебал лучшее вино, которое останется сравнивать лишь с жалкими пародиями. Я оставил на некоторое время идею читать рекомендации и увлёкся чем-то другим

(возраст позволял делать это без особых проблем).

Прошёл, наверное, год с того момента, и я таки зарегистрировался. После чего началось моё вливание в этот страшный коллектив людей, спорящих о вещах, начиная от сотворения мира и заканчивая... гм... и ничем не ограниченных. Мне это понравилось. Мне всё тут понравилось. А особенно люди, которые тут есть (не буду показывать пальцем, так как это не прилично). Не скажу, кстати, что питаю большую любовь к модераторам, но чертовски им благодарен, ведь именно они направляют спорщиков на путь истинный, они следят за порядком, они для меня идеал модераторов в общем.

Говорю я всё это потому, что меня ведь тут никто не знает. Человек я не общительный, вот и подумают, что - мало ли, попиарится захотел или ещё что. Нет. Все эти часы, что я трачу на фантлаб и эту брошюрку, я трачу от чистого сердца, потому что благодарен этому ресурсу, его создателям и посетителям за то, что они все есть.

Вступление

Фантлабораторная работа на мой взгляд — это замечательно. Много их — этих конкурсов — но для меня остался только один :)

Участие во втором и третьем принесло мне кучу обоснованной критики и рассказы мои болтались всегда в конце списка. Что ж. Я согласен со всеми, кто меня ругал, и я с удовольствием побуду руганным ещё и ещё раз. Тем более когда ругают, дружелюбно похлопывая по плечу.

Мне очень нравится атмосфера фантлабовского конкурса и общий тон критики!

Через отсев, на мой взгляд, прокладывают себе путь действительно стоящие тексты. Кстати, о них. Уверен все, кто прочитают финалистов в этой брошюрке не будут сильно разочарованы. Скажу честно почти ничего из финала я не читал. И вот как только выпущу всю эту братию на печать, тогда, сидя на своём любимом диване, уверен с удовольствием, прочитаю.

Желаю и Вам того же!

Информация о конкурсе

неизвестный♂

Информация о конкурсе

Автор этого раздела ещё не найден

Информация о конкурсе

Жюри конкурса

неизвестный♂

Информация о жюри конкурса

Автор этого раздела ещё не найден

bbg ♂

Приключение для пенсионера

Рассказ - победитель 3-ей фантлабораторной работы
Пробрался в финал через внеконкурсное состязание

Пенсионер Дмитрий Васильевич приключений не любил. «Мне из приключений только и осталось – помереть», - говорил он иногда. – «Однако торопиться не буду». Жил он один, расставшись с супругой давным-давно. Детей у них не случилось, но вовсе не это, и не чья-то особенная склочность характера были причиной разрыва. Страсть была виновата, с детства пронесённая тяга Дмитрия Васильевича к фотокамерам. И не то, что был он спец, но, как задело его когда-то таинство появления изображения на пустой до поры бумаге, так и сидело занозой всю жизнь. Некоторые, попробовав пару раз, забрасывает купленную камеру на дальнюю полку, доставая иногда, пощёлкав на день рождения или иной праздник. А Дмитрий Васильевич стал фанатиком.

Он млеял от объективов. Его завораживал благородный пурпур просветлённой оптики, глубина и чистота больших, солидных линз. В них хотелось смотреть, заглядывая в черную бесконечность, любоваться движением лепестков диафрагмы. Держа в руках тяжёлый объектив, Дмитрий Васильевич

чувствовал – вот вещь!

Жена, пока они еще были вместе, пыталась отвоевать у сохнувших плёнок и фотографий место для стираного белья, но устала. Начавшийся развал страны и сгорающие деньги, бытовая неустроенность, нехватка необходимого и внезапные покупки супругом ненужного вконец измучили её. Однажды Вера Николаевна собралась и исчезла из жизни Дмитрия Васильевича, оставив в нём обиду и недоумение. Когда он понял свои ошибки, исправлять стало нечего.

Отстрадав и отметавшись, счастливо избежав утешения водкой, Дмитрий Васильевич отдался любимой страсти.

Ванная комната окончательно превратилась в лабораторию.

Квартиру заполнило разное, хоть чуть близкое фотоделу. Штативы и стойки, импульсные лампы, экраны и ширмы, фотоувеличители и фонари красного света. И, конечно же, множество камер и объективов, старых и не очень, бывших в работе или распакованных единственный раз, сразу после покупки.

Книжные полки, заменив обычную для пожилого и не слишком образованного человека советскую макулатуру, оккупировали толстые справочники и пособия, некоторые весьма ценные. На антресолях пылились пачки фотобумаг и коробки с реактивами, побуревшие кюветы, колбы и точные химические весы. Любовно собранное богатство, ставшее лишним с наступлением цифровой эры.

Не будучи ретроградом, Дмитрий Васильевич с готовностью окунулся в новые технологии, откладывая из пенсии слесаря-универсала изрядную часть для приобретения компьютера. Здесь его ждала нечаянная радость: техника дешевела быстрее пенсии. Специалисты одной из фирм, впечатлённые его въедливостью, собрали за смешные деньги машину из устаревших, но рабочих частей. Остатки денег ушли на покупку с рук простенькой цифровой зеркалки у капризного профи. После чего Дмитрий Васильевич перестал ругать проклятых капиталистов и демократов, погрузившись в зыбкий мир цветковых моделей, фильтров и слоёв.

Он не пропускал ни одной выставки или лекции. Стал завсегдатаем фотомагазинов. Заходил даже в салоны сотовой связи. Но местом его паломничества стал городской блошинный рынок. Там, среди битых молю шапок, валенок, помятых, позеленевших самоваров и прочего старого и нового барахла встречалось иногда такое...!

Его Дмитрий Васильевич увидел издали.

Смолк в ушах шум толпы, сменившись уханьем пульса. Похолодело в животе, сам собой ускорился шаг.

Матово-чёрный, странно пузатый, но невыносимо элегантный, скромно прикрыв блендой огромный глаз, на несвежей тряпке лежал объектив. Без фирменного знака, незнакомого силуэта, но – замечательный, влекущий, волшебный! Когда Дмитрий Васильевич остановился около, руки его дрожали. От названной цены оборвалось в груди, но Дмитрий Васильевич не нашёл в себе сил уйти.

Дальше запомнилось клочками.

Он ловил такси, ехал домой, ни на секунду не отводя глаз от футляра в руках владельца. Потом, вцепившись клещём, таскал его по соседям, занимая денег. Не слыша слов, следил, как живущий в соседнем подъезде грузчик Эдуард яростно ругается с бомжеватым продавцом, сбивая цену, крича и размахивая руками. Подходил кто-то еще из знакомых, Дмитрий Васильевич их не слышал. Потом как отрезало.

Очнулся он дома, куда проводил его Эдуард:

- Слышишь, Васильич, - говорил тот, не в шутку озадаченный, - полгода, никак не больше, меня Виктория съест, если про такие деньги узнает!

- Не беспокойтесь, Эдуард Владимирович, - смог, наконец, сказать Дмитрий Васильевич. - Всё отдам, до последней копейки! И спасибо, вы меня так выручили! Пусть я выгляжу глупо, но это, это такое...

- Ладно, Васильич, - сказал Эдуард уже в дверях, - вижу, ты в порядке вроде. Бывай!

Дмитрий Васильевич остался один. Нет! На столе, в жёстком футляре его ждал будущий друг, собеседник и компаньон. Подумав, пенсионер решил оставить детальное знакомство на потом. Сделав неотложные дела, он стоически отказался от обычного бутерброда с сыром на ужин. Пояс придётся затянуть потуже. Ничего, это только полгода! Засыпал Дмитрий Васильевич плохо, ворочался, включал и выключал ночник и забылся только под утро.

Которое началось казусом: объектив не встал в камеру. Рассудив, что снявши голову, нет смысла переживать, Дмитрий Васильевич занялся переходником. Тридцать лет у станка; и не такое мастерили!

Пошли дни, наполненные заботами и мелким рукоделием. Утро Дмитрий Васильевич проводил на рынке, сбывая то, с чем он мог расстаться без дрожи в руках. Домашняя студия - освещение и арматура — переселилась к одному из знакомых коллекционеров. Не пожелав ловить случай, тот дал верную цену, и Дмитрий Васильевич впервые поверил: унижаться не придётся.

После рынка и лёгкого перекуса Дмитрий Васильевич доставал верные инструменты и пилил, точил, резал и шлифовал. Иногда, отдыхая, он спрашивал себя: почему? Почему так запала ему в душу эта труба с линзами? Стоит ли обладание ею

таких усилий и потерь? Да-да, потеря! Исчезавшие из пустующей квартиры предметы были не просто безделушками, они составили большую часть жизни Дмитрия Васильевича. В конце концов, они вытеснили из его жизни Веру Николаевну, Верочку. Женщину, которую он любил. Которая, он знал, он был уверен, он категорически запретил себе сомневаться, искренне любила его раньше.

На исходе второй недели переходник был готов. Дмитрий Васильевич аккуратно вложил объектив в оправу байонета и медленно повернул. До щелчка. Затем включил камеру — и она ожила, задышала! Мигнули индикаторы, засветился значок видеоискателя. Как будто сообщила: «Я готова, хозяин».

Наступило лето, непостоянный, черёмуховый май уступил место комариному и тополёвому июню. Каждую свободную минуту Дмитрий Васильевич проводил на пленэре. Наполненный памятниками центр города, столетний, деревянный частный сектор, конечные остановки автобуса — его можно было увидеть везде, куда помогал добраться льготный проездной. Деревья и дома, мостовые и парапеты, дробные струи фонтана и муравьиные тропы на потрескавшемся асфальте — всё заслуживало его внимания.

- Вы понимаете, Александр Викторович, - говорил он, вручая очередную тысячу соседу сверху Семёнову, - всё вроде то же самое, но... какой-то воздух чувствуется, глубина. Если в кадре небо — то

это Небо, далёкое и бесконечное, или обожжённое и выцветшее от жары, или грозное, полное ожиданием дождя... Если вода — то Вода, застывшая, но стремительная. Оно неподвижно, то, что в кадре, но оно живёт, готово сорваться с места, стоит лишь отвернуться. Мне трудно объяснить...

- И не объясняя, туда-сюда без разбега, - обычная присказка Семёнова звучала неуверенно, словно ему было неудобно от поэтических образов Дмитрия Васильевича. - Тебе нравится — и отлично! Будет выставка - пригласи!

Теперь, услышав про выставку, Дмитрий Васильевич уже не улыбался, как полгода назад, понимая и чуть заискивая, оценив немудрёную шутку,. Сейчас не только знакомые и соратники по домино, но и он сам понимал, что да, его работы, не просто удачные или не очень кадры, а именно работы вполне достойны выставки. Пусть не персональной, пусть в составе — но всё равно. Это радовало и пугало. Есть ремесло, которому Дмитрий Васильевич научился давным-давно. Но: пунктуальное следование схемам не делает тучи — клубящимися, а воду — живой. Это уже искусство, талант, божья искра. Хотя, и это он тоже ясно осознавал, хороший инструмент — часто больше чем полдела. Но тонок этот баланс, и Дмитрий Васильевич оставил сомнения и просто радовался каждому удачному кадру. Исследуя заодно открывшиеся богатые возможности.

Однажды вечером, когда мужики самозабвенно

стучали костяшками домино, Дмитрий Васильевич сидел рядом, на скамеечке, лаская кольца объектива. Неожиданно палец его сорвался, и рычажок, служащий, по мнению Дмитрия Васильевича, для красоты, переключился. Под рукой щёлкнуло, и одно из декоративных же колец слегка сдвинулось.

- Рыба! — ноль-ноль с размаху впился в стол и Семёнов, приосанившись, потребовал: - Запечатлейка, Васильевич, туда-сюда без разбега, как я их!

Дмитрий Васильевич не заставил себя ждать, но, поглядев результат, огорченно скривился:

- Нехорошо получилось, Александр Викторович, что-то у меня тут..., - и стал прощаться.

- Так всегда, смазал миг победы, - Семёнов сделал грозное выражение лица. - Когда теперь такого дупеля дождешься... Эх! Мешай, Серёга!

Дома, запершись на ключ, Дмитрий Васильевич вывел на экранчик последний кадр. Нет, ему ничего не привиделось! На фотографии был Семёнов, но не за доминошным столом, а на диване, с незнакомой женщиной. Рукой он обнимал её за талию, в другой была рюмка. На собеседницу Александр смотрел жадно и решительно.

- Чёрт знает что, - сказал Дмитрий Васильевич, стирая снимок, и задумался. А подумать было о чём...

Для понимания потребовались пара дней и много, много снимков.

Модерновое здание одного из социальных

фондов прошло на экране обратным ходом все стадии монтажа, образовался котлован, исчез и стал лопуховым, привычным пустырём.

Танк с крестом на броне жирно чадил, двое танкистов, пригибаясь, тащили третьего. Ноги его безвольно влочились по раскрошенной брусчатке.

Церковь, что за проспектом, недавно отреставрированная, потеряла кресты и позолоту. Дмитрий Васильевич помнил, там долго была детская спортивная школа, до этого – склад. Затем кресты появились вновь, но исчезли пятиэтажки вокруг. Теперь это были одноэтажные деревянные дома с палисадами. Пыльная улица несла конные экипажи, крестьянские подводы, спешили пешие разносчики. На одном из кадров эскадрон гусар не спеша уходил за край снимка, за гусарами бежали мальчишки. Ещё был пожар, а потом снова церковь, маленькая, деревянная, потемневшая и скособоченная. Чуть в стороне – кресты занесенных снегом могил.

Гигант пятилеток, знаменитый на весь Союз инструментальный завод, рассыпался деревней. Зато Окунёвка, заключённая ныне в зловонную трубу, побежала вольно между рощиц и полей. Рыбаки, по пояс в воде, тянули бредень. Скрытый холм на излучине украсился господским домом. Между колонн портика стоял человек. Он был сердит, крестьяне перед ним мяли в руках шапки, глядя под ноги.

Жизнь проходила перед глазами Дмитрия

Васильевича. Никем не записанная, давно позабытая. На минуту ему представилась афиша: «История края глазами фотохудожника». Большой светлый зал, стены и панно с избранными работами. Благосклонное внимание критиков. Стрекот камер и вспышки. Поклонники и почитатели. Почитательницы. «Да. И вопросы неприметных людей в штатском – откуда?» - представились, и воображение нарисовало полутёмный кабинет, свет, бьющий в глаза, табурет, привинченный к полу, захватанный пальцами графин. И цветные, глянцевые фотографии, разложенные веером на столе. Бессильные, влажные от волнения ладони. Нет. Дмитрий Васильевич печально помотал головой. К чему эти страсти? Обычный кабинет, он будет сидеть в мягком кресле, но на самом краешке, стараясь держать спину прямо. Ароматный кофе в тонкой чашечке на столе, большой плоский экран, запущенный в режиме слайд-шоу. По-домашнему распахнутое окно, гудки машин – и вежливый голос человека напротив. Никакой разницы. Руки всё равно будут липкими, а веко дёргать тик...

Дмитрий Васильевич подошёл к зеркалу. Оттуда на него смотрел пожилой (ни в коем случае не старый!) мужчина. С редкими седоватыми волосами, даже не пытавшимися скрыть лысину. Углы рта загнуты книзу, как бы намекая... Да, Дима, дожил ты. Дима, Димочка – так называла его Вера. Верочка – так называл её он. Они были молоды, беззаботны и веселы. Стало очень страшно. Ужас последнего

Приключение для пенсион...

приключения, старательно забываемый, выполз наружу и противно тронул сердце. Помрёшь один, забытый всеми, врачи будут пробегать мимо палаты, молодая медсестра поставит бесполезный укол – и опять давить стон, комкая пальцами серую больничную простыню. А вот раньше...

Он взял камеру и перекинул временное кольцо сразу на двадцать лет назад, когда Вера была ещё рядом. Снимок. Еще пять лет долой. Снимок. И ещё, и ещё...

Вот они дома, Дмитрий Васильевич сидит за столом, уткнулся в какую-то механику. Вера тащит таз, обходя нагромождения. На лице её усталое равнодушие... Нет, такое не пойдёт!

Возвращаются из леса, с грибами. С полными корзинами, оживлённо беседуют. Уже лучше...

Есть! Они были на море тогда, под Евпаторией. Деревенька на берегу, возле военного городка. И широченный пустынный пляж, белый с рыжими полосами мелких окаменевших ракушек. Вера на снимке смеётся, поливая его водой. Дмитрий Васильевич, Димочка, закрывается в нарочитом испуге. Как там было здорово! Днём они сидели на пляже, или бродили в полосе прибоя, забыв обо всём. Вечерами, после ужина – салат да арбуз, откуда деньги на разносолы? – бродили по обширному солончаку. Поддувал ветер, солнце садилось в мелкое евпаторийское море, четыре минуты по часам. Дима пытался поймать шары перекати-поля, куда там! Однажды, когда штормило,

дошли до соседнего посёлка с оригинальным именем Штормовой, ели шашлык. Дмитрий Васильевич и сейчас помнит его вкус. Вера skorмила ему половину своей порции. «Я – худею!» – заявила непреклонно, пряча в глазах бесинку. На обратном пути они вымазались как черти в целебной грязи – и шли так до самого дома, а потом мылись во дворе, обливая друг друга из шланга. Дмитрию Васильевичу, он был первый, досталась тёплая вода, Вера поливала от души, не слушая уговоров. Самой пришлось скатываться холодными остатками. «Ничего, согреешь», – шептала она, и Дмитрий Васильевич отнёс её в дом на руках, влажную, в пупырышках гусиной кожи, жарко обхватившую его за шею.

Всё готово было за полночь. Стопка счастливых моментов совместной жизни лежала перед ним на столе. Выбрав самый радостный отпечаток, Дмитрий Васильевич навёл камеру на Верино лицо и пробежался по времени назад, к сегодняшнему дню. Жизнь Веры Николаевны после разрыва оказалась не слаще, кому нужна разведёнка после сорока? Подсмотрев на разных снимках адрес, так вышло: в кадр попали номера и дома, и квартиры, улица тоже оказалась знакома, Дмитрий Васильевич подготовил пухлый пакет.

Внутри он вложил письмо, из одной строчки: «Прости меня, если сможешь».

Потом выставил шкалу времени в ноль и намертво заклинил рычаг.

Отзывы читателей

ZarrazA

Может это я такой дефективный (или зажравшийся)? Но... о чем рассказ? О волшебном объективе? Если так, и автор задумал сказку в стиле старика Хатабыча и мороженого на палочке, тогда все понятно и никаких претензий к автору нет. Если же нет, тогда получи, автор, список из претензий, недоумений и раздражений.

Тема: Что являлось резкой переменной в жизни персонажа? Развод? Покупка объектива? Приобретение к его чудесным свойствам? Приступ ностальгии, наконец? Нет. Жизнь героя не изменилась ни на йоту. Изменился ли сам персонаж в результате упомянутых событий? Тоже нет — как был «страдающим» эгоистом, так им и остался. Что не удивительно: событий способных изменить пожилого человека, в рассказе нет и близко. Даже финальное раскраивание, и то для проформы.

Теперь о стиле, форме и прочем.

Экспозиция в форме лекции-биографии простого советского пенсионера? На одну страницу? Хотя, конечно не критично, но совершенно не интересно, если не «сколько можно?».

Дальше не большой кусок:

Однажды Вера Николаевна собралась и исчезла из жизни Дмитрия Васильевича, оставив в нём обиду и недоумение. Когда он понял свои ошибки, исправлять стало нечего.

Отстрадав и отметавшись, счастливо избежав утешения водкой, Дмитрий Васильевич отдался любимой страсти.

И так, что же мы имеем: а ничего. После того как из жизни человека исчезла любимая женщина, с которой он прожил большую часть жизни, на все чего хватает героя, так это на страдания и метания. Даже осознав свои ошибки он не сделал НИЧЕГО что бы исправить положение и вернуть ЛЮБИМУЮ женщину. А отдался любимой страсти. То есть, потенциально, самое драматическое событие в жизни героя ничуть его не изменило.

Утро Дмитрий Васильевич проводил на рынке, сбывая то, с чем он мог расстаться без дрожи в руках (опять не заставляем персонажа делать выбор, расставаться с такими вещами герою не сложно, «без дрожи в руках»).

Иногда, отдыхая, он спрашивал себя: почему? (и все? И никаких эмоций? одни претензии?)

В конце концов, они вытеснили из его жизни Веру Николаевну, Верочку. Женщину, которую он любил (и это «Отстрадав и отметавшись, счастливо избежав утешения водкой, Дмитрий Васильевич отдался любимой страсти.» называется любил? Не перепутал ли автор любовь с другим чувством? И персонаж ничего не сделал, что бы вернуть любимую жену? А ведь такой поступок был бы драматичен и в тему.)

Жизнь Веры Николаевны после разрыва оказалась не слаще, кому нужна разведёнка после сорока? (ЭТО ЧТО,

ПРИКОЛ? ПИНСИОНЕРЫ?)

Внутри он вложил письмо, из одной строчки: «Прости меня, если сможешь». (он что нашкодивший школьник? Или выживший из ума придурок?)

Неожиданно палец его сорвался, и рычажок, служащий, по мнению Дмитрия Васильевича, для красоты, переключился. (крайне сомнительный логический ляп: «Подумав, пенсионер решил оставить детальное знакомство на потом.») Под рукой щёлкнуло, и одно из декоративных же колец слегка сдвинулось.

После таких промашек, рассматривать стилистические ошибки как-то по ребячески. И это словосочетание — по ребячески — основное, что приходит в голову после прочтения, так как автор слабо представляет как должно вести себя литературному герою пенсионного возраста, любящего свою жену. Это не переход на личности, а констатация факта, правда, в моем видении.

Фантомас

Один из лучших рассказов конкурса. Для меня в чем-то перекликается с «Солярисом». Там Океан помогает восстановить прошлое и расставить приоритеты. Здесь — объектив фотоаппарата. Произошла ли эволюция во взглядах героя на жизнь? Безусловно. Но произошла задолго до того, как он обнаружил чудесные свойства своего нового приобретения. В принципе фотоаппарат ему был не нужен, чтобы понять вот эту — цитирую — мысль: «Помрёшь один, забытый всеми, врачи будут пробегать мимо палаты, молодая медсестра поставит бесполезный укол — и опять давить стон, комкая пальцами серую больничную простыню». Будучи уже немолодым, но в отличие от героя, женатым человеком я иногда беседую с одинокими 50-60-70-летними мужчинами. И все они, думая о приближающейся (или уже явственной) старости говорят практически вышеприведенную фразу ГГ. Им жалко не то, что они расстались с кем-то, а себя, дорогого и любимого, что некому в старости будет воды подать. Из собственного опыта общения с подобными мужчинами делаю вывод: их неудавшаяся жизнь — не ошибка, не злой рок, просто эти люди в свое время не захотели достигнуть компромисса, как теперь говорят консенсуса с близкими. Им не хватило капельки человечности, и под старость они остались у разбитого корыта. По большому счету история с магическими свойствами фотоаппарата здесь просто приправа, хотя и острая. Но если этот рассказ претендует на психологизм (а он на него претендует), то я бы сказал что внутренний мир героя не раскрыт, и не раскрыт потому, что нет живой, а не по обрывочным воспоминаниям .данной пунктиром героини. Есть слова о судьбе «разведенки», но нет драмы «разведенки». А может, эта женщина всегда предпочитала жить одна? Может, она такая же эгоистка, как ГГ? Ничего этого мы не знаем. Нет драмы. Нет перспективы. Нет цельной обрисовки характеров. Но есть магический чарующий стиль, прекрасный язык и то, что всегда будет трогать читателя: библейская надежда на то, что если ты вдруг прозрел

Приключение для пенсион...

и уверовал, что к людям надо относиться по-человечески, значит, ты решил все проблемы, ты на пути к счастью. Кстати, только сейчас я понял, почему в конце заклинил рычажок. Автор не хочет нас разочаровывать. А может, это сам герой так подстроил. Не исключено, что загляни он поглубже, увидит, что ничего путного из дальнейшей их встречи не выйдет. И подлинный финал для обоих — дом престарелых. Но кому нужны рассказы с подлинными жизненными финалами? Искусство — это сказка, делающая жизнь хоть чуть-чуть более сносной.

еремина

С чувством юмора у вас все нормально — зачет!

По психологии тоже хорошо в принципе.

Правда легковесно как то, поверхностно.

Главные мои претензии к рассказу как ни странно по языку и сюжету.

неимоверное количество корявых фраз:

..В них хотелось смотреть, заглядывая в черную бесконечность,

..Книжные полки, заменив обычную для пожилого и не слишком образованного человека советскую макулатуру, оккупировали толстые справочники - долго думала кого заменили полки, поняла кое-как, но тогда заменив макулатуру НА справочники или середину выбросить

..Не слыша слов, следил, — причастный с деепричастным, звучит плохо

..Отстрадав и отметавшись, счастливо избежав утешения водкой,..отдался страсти - то же +«и « не мешало бы убрать

..Которое началось казусом — это начало предложения

..его работы, не просто удачные или не очень кадры,

..противно тронул сердце — и т.п. Опечаток тоже куча (я надеюсь что это опечатки)

Я понимаю вас несло от своей остроумной интересной манеры, но у меня лично сложилось ощущение очевидного не профессионализма. Нужно все таки внимательней быть к тексту, в котором кстати и кое-какие удачные находки встречаются время от времени, словно кустики картошки в зарослях сорняков.

Сюжет банален, раскрыт торопливо, не волшебно и неинтересно. Вначале вроде как взялись было, потом перешли на переживания героя и по части фантастики все умерло, причем скоропостижно...

Gorhla

А вот и первая настоящая удача сегодняшнего дня.

то, что действительно, без слащавой патетики и демагогических житейских рассуждений, может достучаться до

самой сути твоего сердца. Которое, может, казалось, и не ходит уже в былом ритме, а неловко отщёлкивает проходящие мимо дни в неспешном ритме остывающего танца.

Всё просто... жизнь действительно одна, и автор хорошо это понимает.

Груз былых ошибок не проходит так бесследно; по сути, его нельзя ни залить, ни заделать хобби или работой. Нужны лекарства тоньше, но что делать, если ты не способен их принимать? Остаётся только вспоминать.

О, как чужда, как омерзительна мне западная парадигма: живи одним днём, не вспоминая прошлое, гони плохое, создавай позитив.

Лучший момент жизни всегда останется в прошлом, рано или поздно. И, когда ты это поймёшь, лучше, чтоб рядом был диван. Который может стать и гробом.

Отличная работа, 9 баллов.

Что напомнило: «Солнечный пёс» Кинга, но наоборот. И ничуть не хуже.

Aklenord

Хороший рассказ. Отличный язык, выверенный объем, грустная история...

Не знаю, сможет ли претендовать на финал, но меня, как говорится, зацепило.

Может, раз супруга после ухода не смогла никого найти, стоило рискнуть изменить жизнь? Или заклинивание рычажка означает, что ГГ так и не смог сделать самый важный шаг в жизни? Люблю такие финалы.

видфара

Всё хорошо в рассказе — и глав.герой убедителен, и сюжет логичен. Стиль, язык — всё уже хвалили в отзывах, присоединяюсь!

При этом вдвойне обидно не найти раскрытой конкурсной темы: образ жизни у старого фотографа не очень-то изменился (и вряд ли изменится после того, как его посылка дойдёт по назначению...), скорее, он сам внутренне изменился. Конечно, лучше поздно, чем никогда. И всё равно его по-человечески жаль. А у рассказа хорошие турнирные перспективы!

Niko-Ra

Хорошая образная система, Забавное начало, а потом вдруг все скомкано. То ли автор ужимал текст, то ли вдруг урезал саму идею. Про фотоаппараты, снимающие прошлое есть даже фильмы, но суть не в том. Обидно, что при хорошей завязке середина оказалась рыхлой, а финал, хотя и романтический, но проваливающийся в пустоту. Рассказ хороший, но явно не доработанный как в сюжетном плане, так и мотивационном. До середины

Приключение для пенсион...

рассказ явно тянул на большой балл. А потом наступило разочарование.

Белокнижник

Простовато, но со вкусом. Может оно и хорошо для конкурса, когда мораль на поверхности, читают все быстро, задумываться не успевают, а тут и думать особо не надо всё на блюдечке. И что отрадно каемочка таки золотая (стиль повествования).

Оценивать сложно, честно. С одной стороны не люблю когда все так разжевано, с другой написано-то в целом неплохо. Воспользуюсь знаменитой системой bbg

Тема: Где-то тонко и не осязаемо. Очень трудно понять есть ли соответствие в принципе. То есть намерение ГГ сменить образ жизни безусловно присутствует, о том говорит письмо жене, но вот произойдет ли эта смена остается за кадром. 0,5/2.

Язык: Тяжеловат, не без корявостей, но и не без приятных находок. 1/2

Увлекательность: Для меня — нет. Увы, совершенно, разве что под соответствующее настроение. 0,5/2.

Идея: Присутствует, хотя и довольно банальна, не нравится ее разжеванность. 1/2.

Личное впечатление: Рассказ несущий надежду, но для меня пустоват. Прошу меня за это простить. 1/2.

A.Ram

Хороший рассказ, выдержанный, как старое вино.

Стиль изложения нелегко, витиеват. Иногда эта витиеватость приводит к действительно симпатичным находкам: «здесь его ждала нечаянная радость: техника дешевила быстрее пенсии»

иногда - всерьез затрудняет понимание: «благородный пурпур просветлённой оптики»

Из некропных ошибок (скорее — недосмотрок) отмечу лишь "...откуда деньги на разносолы? — бродили по обширному солончаку..." — дважды «соль» в одном предложении.

А в целом, повторюсь, хорошо и добро, хотя и простенько.

Правда, опять непонятно с темой. Событие случилось, но отреагировал ли герой... Не уверен.

Все равно автору спасибо! (имею персональные подозрения)

Отзывы жюри

[nika-tyan](#)

Банально, увы. Написано гладко, можно сказать профессионально, но изюминки в тексте не ощущается – всё прозрачно, всё логично, но послевкусия не оставляет. И как любитель фотографии скажу – нет хроматической аберрации :))) сиречь профдеформции видения фотографа.

[С.Соболев](#)

Занялся человек фотоделом, увлёкся, не заметил как жена ушла. В этом увлеченном состоянии рыскал по скупкам, нашёл фотограф телевик, бьющий на 20 лет в прошлое. Или на 200 — как стрелочку выставишь, на столько вглубь веков и снимает. Сфотографировал свою жизнь, понял что жена была, отчаялся, загрузил.

[rusty_cat](#)

Нравится и все тут. Из 12 финальных этот — нравится больше всех. Объемный текст, наполненный информацией, которая известна и, видимо, близка автору, отчего он способен любовно делиться деталями, которые, может быть, не так уж нужны для сюжетного скелета, но создают неповторимую плоть атмосферы. Фотография. Объективы, линзы, софиты, проявители, закрепители, ванночки, высушивание проявленных снимков и прочее-прочее.

Погрузившись достаточно в этот довольно замкнутый мир, мы, словно бы невзначай выхватываем оттуда артефакт. Узнаем мы его не сразу, но лишь тогда, когда станет поздно: объектив уже есть, фотографии с него получаются. И вдруг бац — а он «волшебный». Начиная с этой точки события могут разворачиваться сотней разных вариантов, являя нам любой жанр от сказки до треша и порнографии. Возможно, автор выбрал не лучший вариант. Возможно, автор выбрал тот, что наиболее соответствует его собственному духу. Он дал нам почувствовать чудо (жаль только, мы не полюбовались на древних рептилий или пирамиды майя в эпоху расцвета цивилизации), но поступки героя вполне ясны, узнаваемы и обоснованны. Лиричны. Человечны.

[kerigma](#)

Минус того, что читаешь кучу всякого — потом совершенно невольно всплывают ассоциации там, где не надо бы (см. «Солнечный пес» Кинга). Вне ассоциаций — хороший рассказ, без особых претензий, просто хороший. История одновременно простая и не-обычная, при этом даже в своей необычности оставшаяся простой. Что

сделает такой по-жилой человек, если ему случайно достанется некая чудесная игрушка, по большому счету бесполезная? — Нет, не перевернет свою жизнь, и чужую тоже не перевернет, а продолжит, как раньше, тащит свое увлечение в одном мешке с сожалением о прошлом. Получилась очень честная и грустная история.

Это вообще хорошо и куда интереснее, что автор выбрал не стандартного героя фантастической истории, читаю, вьюноша от 20 до 30 лет, без какого-либо «багажа» за спиной, а пожилого человека, у которого жизнь уже сложилась, или не сложилась, но в любом случае поздно что-то менять, да и не хочется.

На грани сюжета и концепции — мне очень понравилась сама концовка. То, что автору удалось удержаться на грани и не пустить своего героя во все тяжкие. Получилось очень психологически достоверно, за счет чего образ персонажа выстроился от и до. Персонаж отличный, совсем как живой — я знавала если не таких, то похожих стариков.

По русскому языку тоже никаких особых замечаний (хотя первое, что бросается в глаза, когда открываешь рассказ, — это неправильное оформление прямой речи, увы). Стилистика отлично соответствует и герою, и сюжету — мягко, плавно и ненавязчиво, с ностальгической ноткой.

Alter Ego

Да, многое бы потеряла литература, не изобрети однажды кто-то умный фантдопущение. И не было бы тогда Булгакова, Уайльда, Бальзака... Уж по крайней мере таких, какими мы их знаем. Не было бы и магического реализма.

Реалистические произведения часто используют фантдопущение, чтобы показать нашу привычную жизнь под новым, неожиданным углом и тем самым пролить свет на наши скрытые проблемы или указать путь к переосмыслению проблем давно известных, набивших оскомину, но так и не решенных. Подобная проза не только перекидывает мостик между реализмом и фантастикой, сближая эти непримиримые направления, а то и стирая между ними границы — она давно уже сформировалась в отдельный жанр, существующий по своим особым правилам и канонам. Так, типичный герой здесь явно реалистического толка, часто неудачник, неудовлетворенный жизнью, надломленный, обуреваемый личными и внешними проблемами или несущий внутри тяжкий груз пережитого. И вот в его беспросветную жизнь приходит чудо, такое маленькое, случайное и непременно фантастическое по своей природе, и заставляет его взглянуть на мир и себя самого по-новому, пересмотреть свои убеждения и систему ценностей и в конечном итоге либо переродиться и изменить свою жизнь к лучшему, либо примириться с самим собой и обрести успокоение.

«Приключение для пенсионера» — именно такой рассказ. И пусть название не вводит вас в заблуждение — никакого приключения здесь нет. Есть только сущий мальчишка в теле пятидесятилетнего старика, так и не

повзрослевший, не сумевший найти своего места в новой «зрелой» системе координат. Если бы не жена, бросившая бедолагу-фаната прямо-таки на произвол судьбы (нет, ее, конечно, тоже можно понять!), то герой наш, думается, так никогда и не испытал бы потребности хоть как-то измениться. Завязка железная в своей достоверности (а с ней и раскрытие темы). И психология чудака, не приемлющего никаких перемен, сопротивляющегося им, в рассказе показана на все сто. Но как же все-таки подкупает эта зашоренность (в хорошем смысле) героя, его абстрагированность от всего, что не связано напрямую с объектом его страсти! И как заразительна сама эта страсть! Уверен, многим читателям-мужчинам она хорошо знакома. По этой части к тексту нет никаких вопросов.

Вопросы есть по фантдопущению. Допустим, раритетный объектив, подобно телескопу, действительно позволял заглянуть в прошлое, хотя и намек на какое-либо разумное научное объяснение подобному эффекту в тексте нет. Допустим! Допустим, что Дмитрий Васильевич получал кадры из прошлого у себя дома, а также ходил фотографировать церковь, «что за проспектом», и «гигант пятилеток» инструментальный завод. Допустим, что он даже ездил в тот самый лес, где они когда-то с Верой собирали грибы. Но в то, что он ради снимка из далекого прошлого отправился аж в Евпаторию, верится с трудом (хотя такой чудака мог бы). И как неудачно запечатленный Семенов перенесся вдруг из-за «домиошного» стола на диван в чьей-то гостиной, совсем непонятно. Я уже не говорю о движении Земли в пространстве, которое тоже надо бы учитывать. Короче говоря, принцип действия фотомашины времени мягко говоря не додуман.

Однако все это, разумеется, придирки. Стоит ли придираться к Стивену Кингу, наделившему в одном из своих рассказов печатную машинку властью менять прошлое по мановению руки оператора? Или к Киру Булычеву, безо всяких объяснений связавшему прошлое и настоящее цепью телефонных проводов в рассказе «Можно попросить Нину?» Нет, конечно. Не это главное в подобных рассказах. Духовное преображение героя и его воздействие на душу читателя – вот что действительно важно. И в этом смысле рассказ удался: тронул в моей душе какие-то невидимые струны, заставил испытать светлую радость за обретшего себя героя. Невольно мне вспомнился другой похожий рассказ Булычева – «Корона профессора Козарина». Я бы с удовольствием рекомендовал его автору как великолепный ориентир для будущего развития. По мощи вызываемого катарсиса булычевский рассказ не имеет себе равных, и «Приключению» откровенно тяжело с ним тягаться, но зато на его примере отчетливо видно, что вектор автором взят правильный.

Pickman

Не приключение, а искупление. В этом несоответствии единственная проблема рассказа – не считая нескольких фундаментальных, которые можно исправить лишь вместе с его создателем. Хотя расширить круг чтения не

помешало бы – чувствуется, что в фантастику автор пришел со стороны большой литературы, у которой свои возможности и свои ограничения. В «Пенсионере» больше ограничений, чем возможностей, но в заданных границах текст сделан на совесть. Как хороший американский фильм о семейных ценностях (в роли Дмитрия Васильевича постаревший Робин Уильямс). Легко читается, еще легче забывается – но и это не смертельно.

[stogsena](#)

Обыденное дело, или Фото на память — Приключение для пенсионера

Признаюсь сразу — я не читал первого рассказа цикла. По скупым отзывам можно только догадываться о жизни готичного модника в цилиндре и пенсне, эдакого Дж. Деппа в роли Дракулы с фотокамерой наперевес. Еще — о некоей детективной интриге с элементами мистики и романтической испанке на заднем плане. И ради чего автор отказался от такого, совершенно выигрышного набора, оставив от него только страсть к фотографии? Ради какого приключения?

Замечу, он меняет все, что можно было изменить. Вместо Деппа перед читателем предстает слесарь на пенсии, вместо жгучей красоты — усталая разведенка за сорок. Кроме того, автор сводит практически до нуля весь нереалистический элемент. Роль странного объектива, катализатора процесса смены приоритетов «работа — личная жизнь, семья» вполне могло сыграть какое-нибудь фото со старой, отчего-то не проявленной пленки.

Процесс показан несколькими широкими мазками: простое любопытство — интерес к прошлому — воспоминания о лучших моментах — поиск главного — осознание упущенного. Сюжет почти классический. В таких историях выигрышно смотрится стилизация под классиков, чуть архаичный художественный язык. Тургеневский, Бунинский, Купринский. И тут автору не откажешь в желании соответствовать. Порой он переусердствует — и части сложных предложений складками тяжелых портьер наслаиваются друг на друга — но, в целом, это явный шаг вперед по отношению к канцеляриту «Обыкновенной истории».

Интересно, что главный щелчок происходит в момент наивысшего творческого взлета ГГ, после того, как он прикладывает массу усилий, продавая чуть не все свое имущество ради чудо-объектива. Трудно спорить — это очень поэтично. Герой преодолевает трудности на пути, который ведет совсем не туда, куда ему (герою — и читателю!) представляется вначале. Поэтично, но не очень обоснованно. Ведь столько возможностей впереди. Юный читатель (сокр. ЮЧ) может подумать: «Еще один чудак пропал из-за бабы». Что сказать. Финал мне нравится, но ведь и я — не ЮЧ. И я уже слышал, помните: Wenn du lange in einen Abgrund blickst, blickt der Abgrund auch in dich hinein.

Резюме: крепкий почти-non-fiction для тех, кому за. «Дожать» язык и сместить центр тяжести с создания байонетного перехода на экскурсии в прошлое. Какие-то из них должны приходиться исподволь, раньше

Приключение для пенсион...

финального потока. Возможно, и некоторые приятные приколы типа «не хочешь узнать, дорогая, кто убил Кеннеди» бы не помешали.

Я тебя знаю!

левий ♂

Я тебя знаю!

Рассказ, занявший второе место 3-ей фантлабораторной работе
Пробрался в финал через внеконкурсное состязание

... « ... » ...
...
... ? ... ?
... ! ...
... ! — ... !» ...
... ?» ... ! —
... !» ...
... : « ... !
... !» ...

Я тебя знаю!

« ?». : «

« ».

« ?». —

« ...»

« ?» —

« ».

« !

« ?»

« —

« ?»

« —

». « — , , .

— ? —

! —

! —

! —

! —

! —

! —

Я тебя знаю!

«...!»,
 ? —
 «...!»,
 : «...!»,
 «...!»,
 !» —
 : «...!»,
 !» —

...
 ! !
 ?
 ...
 - !
 - ?
 « !»,
 ! —
 ?
 ! —
 !
 ?

Я тебя знаю!

— ?
— !—
— , —
—
— , —
— , —
—
— !
— ... —
— , —
— , —
— , —
— , —
— ? —
— ?
— ?
— ?..
— !
—
— ? —
— !». : « ,
— !».
— , —
— !..
—
— !
—
— —
— , —
— , —
— , —

—
—
— ? —
— !—
—
—
—
— !—
—
— « »
—
—
—
— ? —
— , —
— , —
—
—
—
—
—
—
—
—
—
—
— ?
—
—

Я тебя знаю!

... ?
... ?
... ! —
...
...
... ! —
... !
... !
... ?
... ?
... !

... ! —
... !
... ?
... !
...
... ? —
... !
... !
... ?
... !
... ? —

Я тебя знаю!

— ? !
— , — .
— , — .
— ?
— ! ! —
— ! — !
— ! —
— !
—
—
— ? —
— , —
—
—
— ? ! —
— — ?
— ?
— ?
— ?

— ?
— ,
— ? —
— ? — ?
— , — , —
—
—
—
—
—
— ? ? , , ? ?
—
—
—
—
— ? —

Я тебя знаю!

! !
... (-
, !)
, ,
, ,
- !
- , ,
, - ,
- ! -
! !
!

Отзывы читателей

skvortsov.vova

Рассказ очень легко читается — он весёлый, причём в нем используются разные типы создания смешного, удовлетворяющие вкусы разных читателей — от неискушенного до опытного. Этот рассказ — как свежий глоток воздуха. Выглядит легко, но за этой лёгкостью угадывается серьёзная работа. Bravo, автор!

[Aklenord](#)

Отлично смоделированная ситуация. Особенно понравились преследования героя, которые как-то само собой «проглотились» — ни на секунду не заскучал.

И финал правильный, что очень редко случается. Если бы пришел домой и перевел дух / зажил прежней жизнью, было бы пресно. И так понятно, что это произойдет, но пока погоняется за мнимыми знакомыми

[ZarrazA](#)

Опять не могу промолчать. Если автору поможет, хорошо. Если я не прав, пусть мне будет плохо. Дальше спойлеры.

И так, по порядку, первая страница без изменений. В скобочках комментарии.

Все дело было в том, что Малышкин от природы обладал самой непримечательной внешностью, мало того, внешностью абсолютно не запоминающейся. (внешности без примет, другие не запоминают ее, одежда тоже неприметная?)

Рот у него был как рот, нос как нос, уши тоже были самой обычной формы. Рост — средний. Телосложение — субтильное. Голос — типический. Отличительных примет нет. (т.е. такой как все)

Вот и выпадал Малышкин из окружающей его жизни. (подмена понятий — неприметная внешности подменяется исключением из социума, что не просто недопустимо, а неприемлемо)

Вроде жил, жил, (да помер?) а посмотришь (на что-кого? или все-таки встретишь?)... Кто это? Малышкин? Какой Малышкин? (фраза подразумевает, что в жизни персонаж не оставляет никакого следа, и при этом даже не шевелится, чтобы изменить ситуацию)

Иногда Малышкин и сам сомневался в собственном существовании. (опять имеем перманентные страдания без позывов изменить ситуацию)

В детском саду его часто забывали покормить. (мечта любого детсадовца; и не прятался ли герой от

воспитателей, что бы его не заметили?) В школе — никогда не вызывали к доске. (вообще сказка) В институте — несказанно удивлялись незнакомому (и это значит что замечали когда надо) студенту на сессии.

Малышкин страдал. (все-то у него как у всех — рот, уши, голос, нос — одним словом «серость», страдал и ничего при этом не делал)

Сначала от странного невнимания родителей (одежду там, или кровать забыли ку-пить?), учителей (вычеркнул себя из всех журналов и прятался под партой?) и сверстников (типа избегал их?). Позже — от того, что девочки, девушки, женщины не видели его в упор. (прямо заходи в женскую душевую и наслаждайся видами; не дергал за косички, не угощал мороженым, не дарил цветы? Т.е. подменяется собственная инертность на «не видели его в упор»)

И поделаться с этим ничего было нельзя. (ну вот что он делал-то? Или раз нельзя, значит ничего и не делал?)

Он устроился на завод экономистом (работа не является попыткой вернуться в социальную жизнь и не подразумевает, в общем случае, оную) и обсчитывал какие-то показате-ли и чертил таблицы, но надо ли это кому-то, доволен ли тот, кто получал расчеты, или же оскорблен, Малышкин не знал. Обратной связи не имелось. (если начальник пилюлей не вставляет, значит доволен работой, а общаться с подчиненными по другим поводам не профессионально. Опять подменяем одно понятие другим.)

Он купил домой компьютер и завел страничку в «Живом Журнале» (подразумевается что этот суррогат общения должен был социализовать его?). Время от времени писал туда о погоде, о перебоях со светом, о вставшем трамвае, но и через месяц, и через два счетчик посетителей не менялся. (т.е. он даже не пытался сделать страничку интересной и привлекательной)

Посетитель был один. Неизвестный гость.

Это был сам Малышкин, зашедший на свою страничку с рабочего компьютера.

Празднуя в одиночестве тридцать пятый день рождения, он не смог вспомнить хоть какой-нибудь значительной детали своего прошлого. Все забылось. Словно и себе Малышкин оказался не интересен.(притянуто за уши, разнородные факты, или очередная подмена понятий)

И что я в итоге имею после прочтения первой страницы? Инфантильного перманентно страдающего персонажа, которого при этом все устраивает, т.к. он палец о палец не ударил, чтобы изменить свою жизнь хоть как-нибудь. Ибо «поделаться с этим ничего было нельзя». А также стойкое ощущение, что меня пытаются обмануть в лучших традициях товарища Жириновского — подменяя одни понятия на другие, и следствие на причину.

Интересен мне такой персонаж? Нет. И даже если дальше текст просто гениален, после дурилок первой страницы мне физически не приятно читать его. Вердикт: меня, как читателя автор потерял после первой страницы повествования.

Я тебя знаю!

Gorhla

Автор, чего ж на конкурс основной то не подали? Тут у вас сокращать на четверть как нефиг.

Хороший рассказ. Смешной.

А это встречается гораздо реже, чем всё остальное.

И самое хорошее, что весело даже невзирая на простую фабулу. Очень понравилось, автор — респект. И уважуха!

Минусы — уже привычные: рубленные фразы (отныне буду называть это «Робскистиль») и корявости «Взборонил газон», «что-то рыча от счастья»...

Что напомнило: Как если бы Михаил Задорнов написал «Оно» С.Кинга.

видфара

Рассказ оставляет приятное послевкусие, несмотря на все недочёты (не стану повторять коллег-фантлабовцев). Глав.герой, конечно, сказочен — как и вся эта история.

Резкая смена образа жизни тут представлена вполне зримо. А вот с развитием темы увы, никак.

На мой вкус, сюжету не хватило и некоторой ясности: что за сила так пошутила над желанием незаметного человека? Фантастика, конечно, многое допускает, но всё равно требует убедительности...

еремина

хороший фельетон, не более того. Публицистика вам должна хорошо даваться, уважаемый автор. Мысль интересная, но изложена несколько суетливо, на мой личный вкус. Описания ГГ абсолютно искусственны, хотя и помогают раскрыть мысль.

Niko-Ra

Есть, конечно, мелкие огрехи, но в целом текст оставляет хорошее впечатление. И начинается он вполне обоснованно. Именно таким и должен быть незаметный человек. Только у меня возникла одна устойчивая ассоциация, что Малышкин на самом деле это князь Мышкин и тушуетя он правильно. Текст отдаленно напоминает и «Белые ночи» и «Неточку Незванову». Да, дешёвая слава тяжела. Пожелаем автору иной известности. Ошибки — в топку. Автора — в топ.

Я тебя знаю!

lonely 60

Написан рассказ неплохо. идея добрая, но в ее реализации чувствуется некоторая надуманность, мне лично было не интересно читать все моменты странного узнавания. Мне кажется ту же идею можно было решить более глубоко и интересно, но за мораль и настроение спасибо!

..и все таки больше похоже на притчу, потому что не может быть такого уж совсем неприметного человека!

bbg

Хороший рассказик. Только тема-то, тема-то где? Где жизнь, сообщающая о необходимости перемен? Где попытки приспособиться или сломаться? Ну вот произошло... и кончилось. Как было — так и осталось. Был Малышкин — и остался такой же...

И логика. Возможно, я тут категорически неправ, но ведь странно же...

"

"

В кассе его тоже не замечали? Когда за зарплатой приходил...

"

"

Почему? В ЖЖ — не замечали, никто не замечал — а тут вдруг заметили? Вдруг... Что случилось?

Smart Fox

Неплохой рассказ, нет, конечно,...

.... идея аля джин, который исполняет желание как ему хочется, а не как тому кто загадывает, замучена, но, по крайней мере, обыграно хорошо и желание довольно оригинальное.

Из вопросов:

1. Неужели реклама чуда в нете у ГГ не вызвала никаких сомнений?
2. Если доводить постулат о невидимости до абсурда, почему он вспомнил про девочку бившую его совком, она же должна была его не замечать?
3. Хмм, надуманные проблемы его невидимости. Не спрашивали в школе это счастье, не замечали на сессиях, так журнал посещаемости на что?
4. Я так понял ВСЕ люди в городе попробовали это чудо что-ли? И никто ничего не помнит?

5. Бесплатность известности выглядит странно, ГГ даже не насторожился? Вообще, это скорее сказка, но очень хорошая и интересная.

A.Ram

Уря! Нашел наконец хороший рассказ! Прямо душевный! И решение темы не затасканное, и финал предсказуем, но логичен. Изумительная логическая простота, но не глупо-простота, а простота изящная, от которой производно «все гениальное». Bravo, автор!

Из проколов (вот парадокс!) первое предложение:

«
» ИМХО, по сути «непримечательная внешность» и «внешность не напоминающая» — одно и то же. Так что повторение, да еще и с «мало того» как-то... не читается, что ли. А все равно хорошо. Успехов, автор!

Отзывы жюри

nika-tyan

Прекрасный рассказ, ироничный, острый, с адекватными деталями и психологическими реакциями. Чуть-чуть затянуто, чуть-чуть предсказуем финал, не обыграна идея, что Малышкин сам будет принимать участие в обеспечении известности таким же бедолагам, но всё равно здорово.

C.Соболев

Захотел серый человечек славы, подписался на невестку что ну и получил славу Герострата. Скучно, предсказуемо, и самое страшное — не за чем.

rusty_cat

«...Если вы так жаждете дешевой известности...» — после этой фразы все становится предсказуемым. Этот самый день главного героя — затянут. По сути ведь, после первых проблем качественно ничего нового не происходит. А ведь можно было б. Например, встреча с людьми, которые не участвуют в этой «игре» по причине отсутствия интернета? Проработать немного, каким образом люди программируются системой. В общем, задумка неплоха, реализация не без огрех. Местами, угловатые реплики, вроде: «У вас нет какой-

Я тебя знаю!

нибудь демократической по цене услуги?», или опять же слово «жаждете» в цитате выше. Могло получиться лучше.

kerigma

Очень неожиданный отыгрыш темы, но какая же отличная идея! И воплощение тоже отличное, постепенно развивающийся трагифарс, от мелочи до тюрьмы. Концовка тоже изящный финт, именно то, что надо напоследок, хотя и без нее рассказ был бы хорош, а так — совсем закончен. История заставляет улыбнуться, и читать интересно.

Композиция классическая, и все части отмерены в ней идеально. Многообещающее вступление, забавная основная часть и еще более смешная концовка с заделом на будущее. Прописано прекрасно — с одной стороны, фантазия у автора работает отлично, с другой, ну очень жизненно все получилось (кому не приходилось подвергаться порицанию бабок у подъезда, тот, считай, и не жил!)

Персонажи тоже забавные — даже помимо главгера они все очень характерные, почти как типажи из хороших советских комедий. И современный контекст пришелся очень ко двору, что нечасто бывает.

Стилистически написано очень здорово. Собственно, для успеха рассказа такого плана хорошее изложение — это самое главное, и у автора отлично получилось. Вся эта чехарда со сменой фамилий, совершенно дурацкие, но очень натуральные претензии к герою — очень забавно и ровно так, как надо.

Alter Ego

«Все мы вышли из гоголевской шинели». Выходили, выходим и, думается, будем еще долго выходить. Маленький человек никуда не делся, не перестал существовать ни как класс, ни как психотип. Поэтому его трагедия никогда не утратит актуальность. Разве что шинель сменится чем-нибудь более сообразным реалиям нового времени. И совсем не важно, что в действительности лишь немногие из нас ощущают внутренне сродство или хотя бы схожесть с гоголевским Акакием Акакиевичем. Важно другое: как бы высоко мы ни взлетали, в глубине души мы всегда помним, кто мы и откуда вышли, и страшимся забвения и одиночества. Мы знаем, что от подобной участи не застрахован никто, потому-то нам и не безразлична история маленького, ничтожного человечка.

Предполагалось (мною и, думаю, автором тоже), что история человека с говорящей фамилией Малышкин также не оставит меня равнодушным. И ей это почти удалось. Признаюсь, после многообещающего начала, я ждал трагической, разящей в самое сердце развязки в духе все той же «Шинели». Однако избранный автором стиль недвусмысленно намекал, что ее не будет. Что ж, от грустного до смешного один шаг, подумал я. Но и юмора я

тоже, увы, не дождался. А как бы было здорово превратить просто незаурядную историю о заурядном человеке в остроумную и искрометную феерию вроде «Монумента» Лукиных! Не вышло, а жаль. То ли автор пытался усидеть на двух стульях сразу, то ли не смог решить, какой же из них предпочтительнее: трагический или комический – да так и остался не у дел. Для того же, чтобы гармонично сочетать в своих сочинениях и смех и слезы, как видно, нужно обладать талантом Гоголя. Правда, забегая вперед, скажу, что в конце мне все же удалось посмеяться от души.

В общем, рассказ получился «ни рыба, ни мясо». И, тем не менее, его главный недостаток, на мой взгляд, состоит не в этой жанровой неопределенности, а в том, что герою трудно сопереживать. Он настолько сер, зауряден и ничем непримечателен, что Акакий Акакиевич на его фоне просто клад. Что мы знаем о Малышкине кроме того, что он каждую ночь грезит об известности и внимании окружающих? Ничего. Автор не рассказывает о нем ровным счетом ничего интересного. Ничего такого, что заставило бы нас проникнуться симпатией или хотя бы жалостью к герою. Он несчастен, одинок и всеми позабыт? Да, это так. Но по мере проникновения в текст во мне отчего-то крепло убеждение, что он и не жертва вовсе, что он сам виноват в своих бедах, тогда как героя «Шинели» убогим сделала жизнь. Как бы там ни было, рассказ так и не смог задеть меня за живое, не потревожил сколь-нибудь серьезно моих чувств.

С технической точки зрения, текст также отнюдь не совершенен. Сюжетно он несколько затянут – для раскрытия идеи хватило бы и вдвое меньшего числа конфликтных сцен. Грамотность у автора на вполне приличном уровне, только хотелось бы заметить, что слово «гандон» следует все же писать через «о». Еще я бы посоветовал автору впредь не увлекаться так сильно использованием прилагательных в роли существительных, чтобы потом не пришлось «сбрасывать налипшее». И вообще со стилем надо что-то делать. Во-первых, надо раз и навсегда отказаться о присутствия в тексте себя любимого и избегать авторских ремарок вроде «Не правда ли, с этих слов всегда начинается самое интересное?» Во-вторых, следует в корне изменить подход к созданию художественных образов. Нет, я понимаю: у автора богатое, живое воображение. Но не до такой же степени! То у него Малышкин «перекидывается» на новостные сайты, точно оборотень, то в его теле «бродят» настороженность и ожидание подвоха. Интересно, они в желудке бродят, окисляясь, или по кровеносной системе, так сказать, путешествуют? Случайный автолюбитель, встретившийся Малышкину в переулке, вообще не человек – Мефистофель, в глазах которого «плавится недоброе безумие». Представили? Это еще что?! Долго я тщился вообразить себе, как водитель автобуса «затвердел лицом», как Малышкин «взборонил газон» на бегу, а асфальт «бросался под колеса» автомобиля, да так и не сумел. А что такое «столбы освещения»? Термин из секретной технической документации? Неблагозвучный «кодатор» (и почему не кодировщик?) и «демократические по цене услуги» тоже не красят текст своим присутствием, хотя и выглядят на фоне

предыдущих примеров довольно безобидно. Добравшись до последней страницы, я уже не предполагал, что меня можно чем-то еще удивить, но я ошибался. Автор – надо отдать ему должное – приберег пару шедевров на закуску. И если «гневно гуднувший самосвал» я еще как-то пережил, то, представив себе как «сидел в кустах напряженный пес», не выдержал и разразился самой настоящей истерикой, порядком озадачив коллег по работе. За это автору отдельное спасибо – смех продлевает жизнь.

И все же несмотря на пространную критику, рассказ в целом неплохой и с небольшими доработками вполне достойный финала. Вот только на пьедестал ему вряд ли удастся запрыгнуть – незаурядности маловато.

Pickman

Никакая это, конечно, не «Шинель» – есть более точные аналоги (хоть и со знаком «наоборот»). Все сказанное о «Небезнадежном» справедливо и для этого финалиста – разве что мастерства здесь побольше, а юмор потоньше и пободрей.

stogsena

Любимый сайт. Избранное — Я тебя знаю!

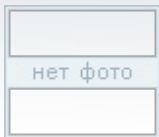
Злая такая сатира. Никакой фантастики. Так, сатирическое допущение, навроде мужика с двумя генералами на необитаемом острове. Первую шутку насчет сидящих на сайте зомби кое-кто подсознательно мог отнести на свой счет, и опустить ниже плинтуса под благовидным предлогом. Зато подтрунить над Малышкиными всегда охотники найдутся — вот вам и балл-другой к оценке популярности рассказа.

А что, написано не хуже большинства сатириков и прочих юмористов. Вполне могу представить, как прямо на 1-2 канале на каком-нибудь очередном вечере юмора автор в строгом костюме с каменным лицом читает эту свою сатиру. И ему целый зал аплодирует. Почему — смотри выше. Вот мне, к примеру, находка с программируемым узнаванием понравилась. И атмосфера на месте. Отчего-то вспомнилась Кинговская Корпорация «Бросайте курить».

Хотя тут вопросец может у особо въедливого читателя возникнуть. Дескать, не имел ли автор ввиду, что люди о других в основном плохое помнят? Или эти психопрограммеры так специально воспоминания настраивают, хотя это вроде как сложнее, а чего жилы рвать за копейки? А так, в общем, все незатейливо: акkurat для зала.

Резюме: абсолютно реалистичная шутка с двойным дном. Не понятно, сознательно ли она случилась у автора. Потянет на вечер юмора на ВГТРК.

левий ♂

Небезнадёжен

Один из рассказов финала 3-ей фантлабораторной работы и серебрянного призёра конкурса Пробрался в финал из синей группы, как и бронзовый призёр конкурса

Яркую бумажку извещения Саня едва не спустил в очко.

Цивилизация докатилась и до их деревни: рекламные буклеты Любка-почтальонша носила кипами, тут вам и холодильники со скидкой, и путевки горячие, и суши с доставкой. Правда, все это было где-то в больших городах, в крайнем случае, в районном центре, а до него еще попробуй доберись через их-то грязи.

Но глазу, конечно, приятно, полиграфия все-таки, и кролям подстилка хорошая. А растопка так себе, вонючая больно.

Не, честно, Саня бы спустил.

Только Танька-жена отняла. Полюбовалась и за стекло в серванте выставила. Такое уж у женщин понятие красоты сорочье — что блестит, что со звездочками, то и манит.

А Саня с похмелья слабый был, не настоял на своем, штакетину из забора выломал да и забыл зачем.

Странное оно было, извещение. Уж Саня-то ученый сделался, еще с выигрыша «мазды» по телефону, от приторных «Поздравляем!» сразу

морду отворачивал.

А тут тоже: «Поздравляем! Вы выбраны...»

Так ведь не президентом же! Но даже если б и президентом... Это ж умом двинуться, чтоб Саню кто-то в президенты выбрал!

Потом Леха-сын, девятилетний охламон, целиком уже бумажку прочитал. Прилип к серванту, пальцем по буковкам поводил.

-Па-ап, — протянул, — а ты в курсе, что мы на какой-то контакт выбраны?

Ну и получил по шее.

А как еще? Воспитание ж — целая наука.

Полный капут Сане случился где-то через час.

Деревня с обоих концов встала на уши. С дальнего прирычали джипы и БМП, с ближнего — «камаз» с кунгом и армейский «тигр».

Вдобавок на коровий выпас опустился раскрашенный в маскировочные пятна вертолет и долго гудел то ли винтами, то ли турбиной своей.

Саня так и застыл на крыльце. Собственно, в фуфайке и трусах.

Делегации к его домишку потянулись и справа, и слева, и с северо-запада. Некуда, мать его, бежать!

И автоматы, понимаете, и лампы, и строгие костюмы, и даже солнцезащитные очки.

Танька как выскочила, так за Саню и схватилась, ойкнув, а он не чувствительный, что его тискают, он в обалдении только головой замотал. Думал, глюки к нему, значит, в гости пришли. Черти. По травке, по тропке.

Еще и следы, заразы, оставляют!

У самой калитки делегации смешались и образовали толпу человек в двадцать пять. Деревенские выглядывали из окон, из-за заборов, дивились.

-Дорогой Александр Михайлович! — выступил из толпы один, вот прямо из тех, что выигрыши объявляют, молодой, напористый. — Мы, в некотором роде, к вам!

И улыбнулся во все тридцать два отбеленных.

-И чево? — прищурился Саня, не торопясь спускаться.

-Понимаете... — начал молодой и напористый, но был безжалостно оттиснут фигурой в генеральском мундире.

-Ты это... — сурово сказал генерал Сане. — Главное, не бзди!

И выломал шпингалет у калитки. И прошел.

А что — генералу можно! Ну и все остальные, раз можно, тоже потянулись, набились в дом, расселись по лавкам, стульям да кроватям.

Потом уж и хозяина позвали:

-Александр Михайлович, будьте добры!

Генерал со свирепым лицом сразу Саню взял в

оборот.

-Вот что, — сказал он, для убедительности грохнув кулаком по столу. Три или четыре раскрытых ноутбука подпрыгнули, а один мигнул экраном и перезагрузился. — У нас намечается контакт! Межпланетный! Земля, Россия и...

Он замаялся, достал бумажку из кармана кителя, развернул.

-Россия и Генце... цертари! Но господа пришельцы, скажу прямо, те еще жуки, хотя убедитесь, что мы соответствуем. Ясно?

Саня почесал ягодицу и кивнул.

Ясно ему не было решительно ничего. Но поспорь тут. Сломают как шпингалет.

-Поэтому, — генерал воздел палец к потолку и хищно оглядел присутствующих, — была проведена лотерея по недавней переписи. Без всякой хитрости, потому как нас предупредили... Да, — произнес он с сожалением, — предупредили... И шесть семей, значит, выиграли. Ваша в их числе. В том числе. И завтра...

Танька ахнула у Сани за спиной.

-Ну что такое... — возмущился генерал, оборачиваясь.

Напористый хлыщ тут же подскочил к Саниной жене и, что-то успокоительно лопоча, увел ее в малую комнату.

-И это... — несколько секунд генерал смотрел в пустоту тяжелым взглядом, вспоминая, на чем его оборвали. — Да! Завтра! К вам явится, значит, инопланетянин.

Небезнадёжен

Саня нахмурился.

-И мне его че, кормить?

-Кормить? Зачем кормить? — не понял генерал. Набычился. — Ты это... Ты должен будешь показать ему, какой ты высокодуховный, высокоморальный и всесторонне развитый человек. Понимаешь? Случайно выбранный, а высокодуховный и всесторонне развитый...

-А как показать? — спросил Саня.

-Каким! — разъярился генерал и принялся загибать пальцы: — Домочадцев не бить! Раз. Вести себя культурно! Два. На вопросы инопланетянина отвечать! Три. И не пить — четыре!

-Боженька мой! — донеслось из малой комнаты.

А Саня, поплевав на большой палец, показал генералу фигу.

Нет, его, конечно, уговорили.

Усовестили, застращали, пообещали не «мазду», нет, но новенькую «приору» и холодильник еще, двухкамерный. И потом должен же Саня иногда не о себе, а о Родине, о России подумать, она, если трезво посмотреть, вся сейчас от него зависит.

Россия — от Сани Веремеева. А, каково?!

Не, ну ради контакта и прелестей инопланетных разве нельзя?

Сане засунули в ухо мини-микрофон и сказали, что с ответами обязательно помогут, нашепчут, что надо, ему за суфлером только повторить останется.

Типа, е равно эм це квадрат.

-И сколько так? — спросил Саня, ощущая в ухе зуд и шум эфира.

-О, три дня, — сказал кто-то, — не больше.

И уткнулся в ноутбук.

Под вечер делегации стали сворачиваться. Генерал Саню расцеловал, все другие пожали ему руку, как перед подвигом, честное слово.

-Мы здесь будем, рядышком, — сказал генерал, свирепо жмурясь от нахлынувших чувств.

Танька проводила его до порога.

Вернувшийся из школы сын долго пялился в окно, комментируя:

-О, бээмпуха поехала... ни фига джипарь рванул... «вертушка» завывала... о, смотрите, «камаз» на взгорке остановился! Распаковываются...

-Проба, проба, — зазвучало вдруг у Сани в ухе. — Как слышите?

-Нормально, — скривился Саня.

Спать легли рано.

От возмутительной трезвости сон к Сане долго не шел.

Утро выдалось тяжелое, налитое злым солнцем.

Во рту было кисло. В ухе шипело. В животе бурлило. В кухонной печи потрескивали поленья.

Саня спустил ноги с кровати и, пошатываясь, побрел в уборную.

На полпути он воткнулся в старое коричневое пальто с пустыми рукавами и, взглянув вверх, увидел, что пальто это не само по себе: из ворота торчала шея, а из шеи проросла облезлая печальная голова.

С вытянутого, гамадрильевого какого-то, волосатого лица взирали на Саню круглые кошачьи, с

Небезнадёжен

вертикальным зрачком, глаза.

Желтые.

-Здравствуйте, — открыло рот существо.

-Поздоровайся, — разродился подкаской микрофон.

-Здра... — сказал Саня и бочком-бочком проскользнул мимо.

Сбежал. Хлопнул дверью сортира, спустил штаны, сел.

Контакт, подумал, кряхтя. А потом подумал: вовремя, прекрасное начало.

-Что там у вас? — беспокоились в ухе.

Саня не отвечал. Стыдно было перед страной.

Дальше, впрочем, забылось.

За столом собрались вместе. Голос все одергивал Саню, долбил в голову: «Никакой водки!», «Будь вежлив!», «Пожелай всем доброго утра!».

Всякие приличности пришлось повторять попойкой.

-Ах, какой чудный новый день!.. Посмотри, милая, в окно!.. Хочешь, свет мой, я тебе помогу?

Танька от его возгласов дважды роняла нож и один раз бутерброд — прямо маргарином на половицы. Лицо у нее вытягивалось, будто резиновое, и краснело, а губы сами принимались нашептывать: «Господи Иисусе. Господи».

Сын, ожидавший дежурного подзатыльника, под пристальным желтым взглядом обезьяно-кошачья неожиданно удостоился легкого поглаживания макушки.

-Милый мой сынок!

Ну как тут не испугаешься? Как голову не

втянешь да не отбежишь?

В результате за завтраком семья больше косилась на Саню, а не на инопланетянина. Дался им этот инопланетянин! Сидит и сидит, жрать не просит.

Танька, на мрачно жующего мужа глядячи, аж заревела тихонько.

Ох и дал бы ей Саня! Рот-то бы заткнул! Только как-то не высокодуховно это получится — кулаком в зубы.

А еще в ухе надсаживался какой-то изувер:

-Кто бы не говорил что, а все удовольствие жизни в таких вот сиюминутностях и состоит. Когда все в радость. И травка, и солнышко, и всякая душа...

-...живая! — заорал Саня.

Инопланетянину такое было нипочем.

Корячился в своем коричневом суконном пальто на предложенном стуле, тарачился. Молчал.

Сын собрался в школу, ушел. Танька, оглядываясь, утопала в агрохозяйство. Саню же предупредили, чтоб никуда, максимум во двор, ни к друзьям-собутельникам, ни к соседям за алкогольным кредитом. А так все равно безработный.

Ублажай, значит.

-Или вот Аристотель, — обращался Саня к существу, следуя голосу в ухе, — надуманная у него картина мира, четыре элемента снизу, пятый сверху, сферы какие-то. Бог-двигатель, эфир и, вообще, ограниченность взгляда...

Обезьяно-кошачья помаргивал и молчал.

-С современной точки зрения есть материя и

Небезнадёжен

антиматерия. И второй больше. Это как у айсберга подводная часть невидимая, — говорил Саня. — И, собственно, свойства антиматерии нам до конца не известны...

Инопланетянин шевельнулся и снова застыл.

-А человека всегда тянуло к выражению эстетических чувств, — тарабанил Саня, — еще в наскальных рисунках наших далеких предков...

Через полчаса существо зевнуло во всю свою розовую пасть.

-Может, хватит?

Саня с готовностью кивнул.

Ему тоже казалось, что хватит. Все равно он ничего не понимал из собою же декларируемого. Только в голове начинало пульсировать. А что это — то ли тоска, то ли неприятие всего — было неизвестно.

-Вы что там? — подозрительно шепнули у Сани в ухе. Словно чуть ли не саботаж шить примерились. — Вы там это...

Обезьяно-кошак сузил зрачки.

-Что такое жизнь?

Саня сглотнул.

-Жизнь?

-Погодите-погодите, — оживился, словно копошась в Саниной голове, голос. — Сделайте задумчивое лицо...

Саня сделал.

Напряг шею, подпер подбородок кулаком. Инопланетянин смотрел заинтересованно.

-Итак, — ласково начал голос, — повторяйте:

Жизнь — это высшая, активная форма существования материи, основанная на воспроизведении...

-...дении... — повторил Саня.

И тут в ухе вдруг возникла тишина.

Саня не видел, как из кунга на взгорке выбежали люди, указывали на кунг и на небо, ругались и размахивали руками.

Связи не было.

-А своими словами? — спросил инопланетянин грустно.

-Ну-у... — протянул Саня.

Но существо уже исчезло. Растворилось в воздухе вместе с пальто.

Сане сделалось тошно. Он встал, похлопал дверцами кухонных шкафчиков, вышел в сени, потом на веранду.

Ни водки, ни хотя бы пива. Нигде.

Жизнь, подумалось, жизнь. Убожество, а не жизнь, че спрашивать-то? Неужели не видно? Нет, надо с подковыркой, в душу...

Непокой в Сане искал выход.

И нашел. В накрытой целофаном груде неколотых дров.

Чурбак за чурбаком Саня клал на колоду, замахивался стареньким топором, — хрясь! — летели полешки.

С отвычки в полгода тяжело пошло, но затем как-то и дыхание выровнялось, и топор будто к рукам прирос. Хрясь, хрясь!

Жизнь, думалось, где она, жизнь?

Небезнадёжен

Неколотая груда уменьшалась, пот пропитал подмышки и грудь.

К приходу сына Саня успел даже сложить поленицу в дровеннике. Приполз в дом чуть живой, но почему-то довольный.

Как-то вдруг с охоткой, которой давно уж не помнил, поел с Лехой томившегося в печи супа. С пьянки тоже вроде бы в охотку ешь, а все ж не так.

Все как-то не так.

Саня подмигнул сыну.

-Пап, ты че? — сделал большие глаза Леха.

-Жизнь! — сказал Саня.

Танька пришла с работы настороженная, но быстро оттаяла.

Тем более, что у трезвого (второй день) Сани зверски прихватило спину, и он лежал на раскладном диване, поскрипывая зубами от стреляющей боли в пояснице. Где уж тут командовать и руки распускать?

-А этот? — спросила Танька, сердобольно втирая в Санину спину какую-то пахучую мазь. «Этот», понятно, был обезьяно-кошак.

Боль то пропадала, то вгрызалась в Саню с новой силой. Но пальцы у Таньки были ласковые.

-Не знаю, — проскрипел он, — пропал.

-И что, все?

-Не знаю.

Они поужинали, посмотрели телевизор. Сын разложил учебники, и одним глазом косил в разворот, а другим — на экран.

-Косоглазие заработаешь, — сказал ему Саня.

А раньше бы и дела не было.

Леха вдруг несмело улыбнулся. Саня хотел ему еще что-то сказать, но тут ожил мини-микрофон:

-Александр Михайлович, вы нас слышите? Ответьте, пожалуйста, вслух.

-Слышу, — сказал Саня.

-Генцецетарин?

-Пропал.

-Ничего. Он еще завтра будет.

Саня почесал затылок.

-Завтра явится, — сказал глядящим на него жене и сыну. — Вот жизнь, а?

Ночью спине полегчало.

Саня поерзал, сел на кровати.

-Ты чего? — проснулась Танька.

-Хорошо че-то, — сказал Саня, белея в темноте лицом. — Давай-ка мы с тобой...

-В своем уме? — Танька отпихивалась неумело, больше для видимости. Поймав лунный свет, блеснули зубы.

-Дак а че? — наваливался Саня.

Прижался губами. Сгрел пальцами ночнушку. Переместился, заключая жену под себя.

-Ну, совсем... — бормотала Танька. — Проснулось у него... Ай...

Саня задвигался.

Жизнь, думалось ему, вот вам жизнь.

Подняв голову от постанывающей Таньки, он вдруг заглянул прямо в желтые кошачьи глаза. Обезьяно-кошак склонил облезлую, возникшую из стены голову.

Небезнадёжен

-А что есть любовь?

От испуга Танька сжала Саню коленями.

-Ну, вы это... вовремя... — Саня задергался.

Голова, вздохнув, исчезла.

-Вот! — радостно зашелестело в ухе. — Любовь!

Глубокая, самоотверженная привязанность к другому человеку или объекту, а также сложные межличностные и социальные взаимоотношения, характеризующиеся...

Утром инопланетянин не появился.

Саня вздохнул с облегчением. Ночи хватило во, по горлышко!

В мини-микрофоне квакали, что все идет по плану, что страна с ним, в смысле, почти рядом, что «приора» ждет своего героя.

Саня уж и не слушал.

Утром добил кучу. Потом, чтоб не маяться бездельем, принялся копать ямы под новые столбы. Забор на задах почти лежал, Танька давно просила поправить.

Удивительно, но совсем не хотелось пить.

Жизнь ему, хмыкал Саня, вонзая лопату в землю. Вынь да положь.

Глазом как-то намечалось место под грядки, там, левее, дальше сараюшку захотелось поставить, листы на крыше на бане вон отошли...

Как же раньше, думалось, как же раньше-то?

И дикий стыд ударял в живот, в щеки, в руки, в сердце.

Сын, прибежав из школы, вызвался помогать, и они до Танькиного возвращения пилили, колотили,

ставили на попа, вскрикивали и притаптывали.

Вместе.

Деревенские пялились. Со взгорка, уже в бинокли, пялились тоже. Сане было весело как никогда.

Инопланетянин в пальто возник к первым звездам.

Пустые рукава висели, кошачьи глаза горели нетутошным огнем, губы кривились. В электрическом свете он казался печальней, чем вчера.

Танька с Лехой оказались за Саниной спиной, и это почему-то виделось самым важным.

Инопланетянин бесшумно приблизился. Обезьянье лицо исказилось.

-Что есть счастье?

-О-па! — воскликнули в ухе. — Сейчас мы ему из «Википедии»... Счастье — это состояние, при котором человек испытывает глубокую удовлетворенность...

Саня досадливо рванул мини-микрофон за хвостик.

Тот что-то еще едва слышно пищал в кулаке, брызгал словами, потом из него отчетливо донеслось: «Саня, не бзди!», но все это...

Все это было не важно.

-Счастье... — сказал Саня в желтые кошачьи глаза. — Счастье... — он с трудом переборол дрожь в горле. — Жить... любить... И чтобы свет всем...

Он почувствовал, как ткнулась лбом меж лопаток Танька.

-Я не могу сказать это как-то еще! — выкрикнул

Небезнадёжен

Саня.

Стало тихо.

В ладонь Сани втиснулась ладонь сына.

Инопланетянин моргнул. Потом фыркнул. Потом сказал:

-Небезнадежен...

-В общем, — сказал Саня, — до всего надо доходить своей головой. И жить, Лешка, понимаешь, не жить...

Они с сыном сидели на лавке перед домом. Крупные звезды висели над головой. На взгорке светилась кабина «камаза». Оттуда доносились хлопки шампанского и пьяные возгласы.

-И видеть смысл.

-Пап, — солидно сказал Леха, — я это и так знаю.

Саня улыбнулся.

-А я, похоже, забыл.

Он хмыкнул, шутливо толкнул сына кулаком в плечо.

-Но я небезнадежен!

Отзывы читателей

пан Туман

И хорошо, и славно, и с юмором написано. Но то, что другой бы назвал позитивом, я рискну поименовать наивностью. Впрочем, возможно, в юмористике это не стоит осуждать... Поэтому, давайте, я Вас, автор, лучше похвалю: русским языком Вы владеете отлично, колорит рассказу тоже вполне способны придать. Даже заставили такого нудягу как я пару раз улыбнуться, а это дорогого стоит. Но... айсберги штампов отправили ко дну не один «Титаник», а тут их в изобилии. К тому же, развязка в стиле «да как я так жил раньше?!» подпортила впечатление своей наивностью (позитивом?) Слишком жизнеутверждающе, как по мне. Но, может, это просто я — безнадёжен?

Птица Сирин

Рисковую не в первый раз повторить каламбур, связанный с названием, но рассказ — хорошо, уверенно написанный, с полным раскрытием темы, яркими характерами и сочно выписанными реалиями — настолько НЕБЕЗНАДЕЖЕН, что просится в финал.

Konst

Работа, которую хотелось бы увидеть в финале. Забавно, что мои впечатления практически полностью совпали с отзывом ofashadow: «...сначала аж не знал как бы покрасивше вывалить на автора ушат говна. Уж больно все эти клише (чешущий задницу русский Иван, инопланетяне, заинтересовавшиеся Россией, недалекий генерал Лебедь, толпа репортеров в деревне и прочее) осточертели. Но уж больно клево написано. Вот отличный пример хорошего юмористического фантастического рассказа...»

От себя добавлю, что это пример удачного «литературного минимализма». У автора получилась очень даже достойная, как для любительского уровня, работа без стремления поразить закрученным сюжетом или неожиданным финалом, удивить глубокой философией или заставить рефлексировать над морально-этическими проблемами и т.д. и т.п.

Спасибо автору за легкий, приятный и жизнеутверждающий рассказ.

P.S. Отдельное «браво» постельной сцене. Несколько раз перечитал и каждый раз смеялся в голос.

bbg

Небезнадёжен

Тема: Непростую задачу поставила жизнь перед героем — представлять. А как представлять, если сам уже забыл, что и как, за водкой-то? Зачёт.

Язык: Хороший язык. Картинка рисуется замечательно. А вот за этот абзац —

«Во рту было кисло. В ухе шипело. В животе бурлило. В кухонной печи потрескивали поленья.» — отдельное спасибо! Зачёт.

Увлечательность: Читается хорошо. Люди — живые. События следуют в правильной последовательности. Зачёт.

Идея: Ситуация гиперболизирована и утопична. Полностью очищена от лишнего. Что ты представляешь из себя, если лишить водочного костыля? Оказывается, есть нечто внутри. Но за сугубую утопичность — только 1/2.

Личное впечатление: Прочитано с удовольствием. Автору удалось раскрыть характеры героев буквально одним, двумя словами, фразой, репликой. Без красоты и лишней рефлексии, но верно и исчерпывающе. Зачёт.

Итог. Оценка почти максимальная. Финал возможен.

ofashadow

Знаете, сначала аж не знал как бы покрывшись вывалить на автора ушат говна. Уж больно все эти клише (чешущий задницу русский Иван, инопланетяне, заинтересовавшиеся Россией, недалекий генерал Лебедь, толпа репортеров в деревне и прочее) осточертели.

Но уж больно клево написано. Вот отличный пример хорошего юмористического фантастического рассказа, а не то сказочное дерьмо, что нынче в моде.

Автор по-моему не без психологического образования. Такой Кагановский стиль повествования.

Понравилось: смешно, увлекательно, тема раскрыта, легко, но со смыслом. Мой вердикт: небезнадёжен. Хочу рассказ в финал, тем более, что половину рассказов конкурсантов уже прочитал, а на победу только три претендента...

sanbar

Первый позитивный рассказ, из прочтенных на этом конкурсе. Только за это он заслуживает высокой оценки, но вдобавок рассказ еще и написан неплохо, и тема, как то очень удачно раскрыта. Будем жить!!!- сказал мужик инопланетянину. Все мы тут небезнадёжны.

Norman

Очень люблю повествования, где герой осознает, что его жизнь не так уж плоха, как он до этого думал. В данном рассказе катализатором, запустившим процесс самопознания героя стало посещение его дома

инопланетным существом. Кроме того, стиль повествования мне понравился — деревенски-простанородный, с юморком, но без вымученности, присущей многим подобным произведениям. Видно, что автор сам непонаслышке знаком с реалиями сельской жизни.

Главное же, за что я поставил данную высокую оценку произведению — это безапелляционная жизнеутверждающая история рассказа. После прочтения настроение мое повысилось, и держалось на высокой отметке целый день. Мне кажется, что это то, чего автор и хотел добиться.

Отзывы жюри

[nika-tyan](#)

Написано так себе, засмеяться не захотелось ни разу (а по идее ведь это юмор). Но в общем задорно, позитивно, искорка есть.

[С.Соболев](#)

Газетно-фельетонный жанр «Инопланетяне и пьяница» превратился в данном случае в очередную сатирку. Пафоса жикдоковато, до уровня социальных обобщений и вовсе не дошло, но по крайней мере весело.

[rusty_cat](#)

Милая вещь, но немного смазанная. Не выдержанная.

Язык легкий, игривый. Детальки вкусные, ударные. Вроде шпингалета сломанного.

Но как-то игрушечно все вышло. Вроде «камазы»-вертолеты-«тигры» настоящие, а логика контакта — оловянная. Саня серьезному генералу фигу показывает, а тот его — целует, как родного. Сначала бы бока помяли, что ли?

«Обезьяно-кошак» по мне — громоздко. Подсократить бы. Для одного раза — еще куда ни шло, но нцать раз повторять — !

Но более всего меня убили две фразы в конце: «- И видеть смысл» и «-А я, похоже, забыл»

Не знаю. Не могу. Скриплю. Может быть, это личное. Но как-то фальшиво? Нет?!

[kerigma](#)

Очаровательная штука)) Одновременно милая, смешная и умная. И отлично написанная, смеялась над каждой

фразой буквально. Странное дело, что когда не к чему особо придаться и нет моментов, которые бы откровенно не понравились, то и сказать что-то про текст сложнее.

В принципе, это беспроектная тема — «простой русский muzjik», в смысле, для иронического обыгрывания. С одной стороны, читатель четко осознает, что вот здесь и здесь автор очень прав и точен, а с другой, автор иронизирует так не лично над читателем. В итоге, как водится в таком позитивно-ироническом жанре, все заканчивается хо-рошо по двум вариантам: либо мужик, пользуясь народной смекалкой и русским авосем, красиво объегоривает каких-нибудь злодеев, либо, как в данном случае, достигает каких-то чисто русских духовных высот. Первое выглядит смешнее, второе — воспитательнее.

В данном случае небезнадёжность как раз и состоит в том, что герой чуть-чуть про-двигается к тому, чтобы выйти за четко очерченные границы «типичного русского мужика» и чуть-чуть позэксплуатировать мозг и сердце по их прямому назначению. Необычно приятное разнообразие в жанре, я бы сказала, но получилось все хорошо и гладко.

Про персонажей сложно что-то сказать как таковых, потому что это по сути такие специальные театральные марионетки — типичный мужик, типичная жена, типичный ге-нерал. Они такими и должны быть в силу жанра, без каких-либо отличительных черт. Зато как же здорово они прописаны в тексте с технической точки зрения! Какие реплики, какие детали! Так же забавно мне было читать про проказы географа у Иванова. Респект автору, в общем, это очень здорово сделано, и я получила удовольствие в процессе.

Alter Ego

Наконец-то! Вот во всех отношениях отличный, увлекательный и по-лукински смешной рассказ, в котором мне нравится решительно все: и идея, и сюжет, и авторский слог, в меру стилизованный под народный говор, и психологически точные персонажи, и легкая, ненавязчивая сатира. Разве что последнюю сцену, где Саня сидит вечером на завалинке с сыном, я бы выбросил за ненадобностью: все, что нужно, и так сказано в заключительной фразе инопланетянина.

Невольно диву даешься: и как только автору удалось, вооружившись такой, казалось бы, простой по сути и банальной идеей (о том, что путь к счастью невозможен без редких остановок и коррекции курса, о которых мы так легко забываем), угодить своим рассказом в самое яблочко! Мастерство ли тут оказалось решающим фактором, или удачно выбранный антураж, или готовый рецепт, позаимствованный у мэтров, предсказуемо «выстрелил»? Какая, в сущности, разница? Рассказ читается на одном дыхании, то и дело заставляя губы расплываться в улыбке, поднимает настроение и после прочтения оседает в памяти ярким цветным пятном — думается, надолго.

Pickman

Приятно и без претензий. Все достоинства и недостатки рассказа укладываются в рамки, занятые современной российской фантастикой (НИИшно-бардовского разлива), воспитанной на фантастике советской и немножко – на Саймаке и Шекли. Наивняк не мешает читать и получать удовольствие – не по глупости ведь написано, а по доброте душевной. Забудется быстро, но спасибо и на десяти минутах. Бывают дни, когда на улыбку не находится и десяти секунд.

Этот рассказ – как давний приятель. В разведку с ним не пойдешь, души ему не откроешь, жены отбивать не станешь (больно уж похожа на супруга)... А вот посидеть вечером на скамейке да выпить бутылочку-другую «Байкала» – страсть как хорошо.

stogsena

Специальное предложение — Небезнадежен

Объединены моим личным дежа вю. Думаю, со многими такое случалось: начнешь читать рассказ, и вдруг почудится — ну читалось оно уже. И героя звали примерно ..., и в финале все было как-то... дайте-ка вспомнить поточнее... А еще бросишься рыться по библиотекам — ну как найдешь? Вот и сейчас кажется — читал что-то подобное, или даже на экране голубом видел, или сосед напел.

У меня по этому поводу своя теория есть: для этого дежа вю надо взять приятный текст по обкатанной теме, без острых конфликтов и врезающихся в память образов. Можно с ненавязчивой моралью. Если пользоваться терминологией Форде (см. Четверг-3), такие вещи, как правило, обладают хорошей вымыслопередачей и высокой публикабельностью, поскольку нравятся многим. А когда вы прочитали (и успешно забыли) сотню-другую-пятью-десятью подобных теплых рассказов, каждый новый вам представляется уже прочитанным. Ничего страшного. Возможно, вы действительно читаете то, что прочли давным-давно — все равно испытаете расслабление.

Собственно, для рассказа иметь свойство нравиться — вовсе не дурно. Да и сделать его таким — потребен определенный талант плюс 99% работы. И то — собачку на выставку послать, по меньшей мере тримминг надо сделать. Так скажу: при работе над циклом автор доказал, что ему удаются такие вот вещи. Язык, картинка и юмор — все как доктор прописал. Сознательно не сравниваю сюжеты: они здесь играют второстепенную роль. Как в первом произведении цикла мы не рыдаем над мозгами мистера Камински, так и не особенно аплодируем Санькиному успеху. Впрочем, меня порадовало, что наша профессура деревня берется за ум, тогда как ихняя

Небезнадёжен

его закладывает. Да и за все эти Лесковские персонажи — отдельный респект.

Недостаток очевиден: никаких прорывов и откровений здесь никто не ждет. Нокаута не будет. Такие рассказы всегда на подступах, но никогда не побеждают (ОК, бывает — по очкам). Зато их можно встретить отпечатанными на бумаге.

Резюме: приятственное чтение. Нот бэд, но хочется большего. Улучшать? А зачем?

G66♂

Йасси — Ёж

Финалист 3-ей фантлабораторной работы
Выбрался из зелёной группы

Угольками тлели цифры на часах: 3-33. Хлопнула балконная дверь — чужая женщина ушла. Ворвался сквознячок, и пропал, растаял в духоте. Загудело такси, прожгло фарами ожившую занавеску. Ёж включил лампу на тумбочке, зажмурился.

«Я даже не спросил, как её звали. Дышал в ухо: «девочка моя, Йасси!»»

Он вытер сырой простынёй лицо, мокрую грудь, открыл глаза.

— Тошно!

Под потолком висел шар Оракула, урчал, жил телескопами камер. Видим, слышим, контролируем. Бездушная машинка. Ёж прицелился указательным пальцем:

— Бах! Ты убит, вещун!

Шар спикировал, закружил в ногах, зашептал:

— Хотите прослушать прогноз?

Ёж рывком усадил себя на край матраса.

— Считай, что я ещё сплю.

— Ваш новый день начнётся в шесть ноль-ноль, — Оракул взмыл вверх.

— Тогда и поболтаем.

Прохладный пол щекотал ступни, забирал лишнее тепло. Хорошо! Только что было тошно, а теперь хорошо. Подлое настроение! Ёж перевернул фоторамку, лежащую на тумбочке, поставил её в круг света.

— Ты ведь ничего не видела? Как всегда, правда, Йасси?

Подмигнул улыбающемуся портрету девушки, закурил. С фотографии смотрели с укоризной. Ёж выпустил струю дыма в потолок. Нет, сегодня он не будет с ней разговаривать, не будет вспоминать, убежать в прошлое, найдёт силы молчать. Одиночество надо выдержать. Он глубоко затянулся, пропитываясь горьким вкусом табака. И сорвался:

— Я устал, Йасси! Устал молиться на образ, жить иллюзией, быть неразлично рядом. Устал, иссяк, умер!

Засопел, стискивая зубы, стараясь не выпустить глупую злость на себя, проглатывая ядовитое слово для неё: «Ведьма». Пальцы сломали, раздавили сигарету в пепельнице. Во рту сделалось невыносимо сухо и кисло. Он встал, зашлёпал к холодильнику. На стене зардел монитор, заголосил

информатор:

— Назовите пункт меню. Биржевые сводки...

Ёж вздрогнул, едва не выронил графин из рук и, проливая ледяную воду на ноги, рывкнул:

— Отбой!

Монитор потух. Оракул блеснул объективом, наблюдая, как жадно пьёт человек.

В зеркальной створке шкафа отражалась неприбранная постель. Ёж сдвинул зеркало, замер, охватывая взглядом лесенку пыльных полок. Лениво включился жёлтый пунктир подсветки, ступень за ступенью проявляя карнавал масок. Они стояли на полках вразнобой: ритуальные и театральные, спортивные и звериные, разноцветные и тускло-серые, улыбающиеся и скалящиеся — десятки пробудившихся личин с одинаково чёрными пустыми глазами.

— Привет!

Он щёлкнул по позвонцам шута, дунул в перо шамана, отсалютовал гейше и, встрепенувшись, азартно пригрозив незрячему легиону пальцем, достал коробку с противогазом.

— Лучшая маска.

Расправляя мягкий намордник, забормотал:

— Пальцы внутрь, ловим подбородок, натягиваем.

Резина прищемила волосы. Он поправил тесный наголовник, заглянул в зеркало. Голый, стройный, сильный — без лица.

— Красавец, — голос звучал неузнаваемо глухо, смешно.

Набросив на плечи простыню, он вышел на балкон.

Ночь обняла холодком, заставила переступить босыми ногами. Город не спал. Где-то играла музыка. Мимо пролетали глайдеры, выхватывали лучами тёмные окна соседних домов. Над крышами осыпающимся сиянием плыл рекламный визиоряд: «А вы купили...» Ёж навалился грудью на перила, свесился в бездну и глубоко вдохнув, попробовал крикнуть:

— А вы купили ГП-7 и набор фильтров?!

В противогазе забулькало, замычало — он давился от смеха. Стащив резиновый чулок, отдышался. Воздух был влажный, тягучий, с прелым запахом.

Скрипнула открытая калитка. Ёж устался на узкий карниз с резиновым кантом. Воздушный причал глайдеров приглашал войти. Один шаг в пустоту. Метр вперёд, полсотни вниз. Сделай шаг. Ёж запахнулся в простыню, обхватил себя руками. Асфальт — сизо-чёрный от недавнего дождя, запятнанный огнём фонарей, ждал. Три секунды полёта — и конец печалям. По спине прокатился морозец, оттолкнул назад. Ёж захлопнул калитку.

— Время: семь пятнадцать. Я попросил бы вас задержаться!

Голос Оракула остановил его в дверях. Ёж сжал губы, развернулся. Шар висел напротив, вспыхивал красным фонарём.

— Вы не прослушали прогноз на день! Вы не меняли компенсирующий жетон!

— Да? — Ёж ослабил узел галстука, попробовал улыбнуться. — Я забыл. Утро понедельника, сам понимаешь, тяжёлое утро.

Оракул облетел вокруг головы.

— Гражданские обязанности должны исполняться неукоснительно.

Ёж пожал плечами, бросил кейс на подоконник:

— Ладно, давай свой приговор.

За окном покачивалось блюдце такси, манило шашечками к причалу. Водитель читал газету.

— Ваш показатель неудач в текущем месяце приблизился к границе отрицательного баланса.

— Знаю! Не тяни.

Шар кувыркнулся.

— Прогноз на третье июля две тысячи пятьдесят первого года. Сегодня замечательное время для принятия кардинальных решений. Вы легко решитесь на то, что принесет освобождение, избавит вас от ненужных обязательств и даст возможность двигаться вперёд. Появятся новые жизненные ориентиры. Это будет сопровождаться неприятной раздачей долгов и подведением итогов. Возможно, в чем-то вы понесете ущерб, но выиграете в другом. Настало время забыть о неудачах.

Красный фонарь погас.

— Да снизойдет на меня сказочная везуха, — пробурчал Ёж, и торопливо расстегнув ворот рубашки, извлёк витую цепочку с жетоном.

— Я опаздываю, вешун. Давай стикер!

Оракул завис над протянутой ладонью, выдавил из себя бумажку со штрих-кодом.

— Благополучной жизни!

— Ага!

Ёж злился, скрёб ногтём золотой прямоугольник,

сбрасывая липкие остатки вчерашнего дня под ноги. «Магия цифр. Нолики и единички спасут нас от неудач и ошибок? Чушь! Миллионы верят в счастливый двоичный код. Бред! Я говорю: «не верю» и ежедневно наклеиваю ярлычок встревоженного идиота. А как? Я как все, я в стаде». Косо налепив стикер, больно царапнув шею жетоном, Ёж втокнул под рубашку гарантированно успешный понедельник. За окном нервно курил водитель такси.

«У него свой оракул, — подумал Ёж, — и своя масть в удаче».

Он подхватил кейс, дёрнул дверь, вышел.

Раздался пронзительный свист. Дверца глайдера медленно распахнулась. Руками вперёд на балкон плывом вывалился водитель такси. Со страшным лицом, с кричащим ртом. Что-то надвигалось, заслоняя свет. Ёж почувствовал удар в грудь, невесомость, ватную тишину. Промелькнул шар Оракула, и всё исчезло.

— Я вынужден напомнить... по кредитному соглашению...обязаны менять чип индивидуальной рекламы... Я вынужден напомнить... менять... чип...

Знакомый неприятный голосок бухтел прямо в ухо. Ёж открыл глаза. Пасмурное небо поднималось вертикальной стеной. Волны дымчато-серых красок смешивались в тягучем водовороте, бурлили, брызгали в лицо мокрыми бусинами. Ёж потрянул головой — мир сдвинулся. Свинцовые тучи скользнули вверх, и он понял, что лежит на спине у покореженных перил балкона и ловит открытым

ртом капли дождя. Что? Что случилось? В груди бухало. Тихо шлёпал дождь. Ёж повернул голову. "Словно серебряные гвоздики!" — пришла в голову странная мысль. Водяной крап прыгал по рассыпанному листам бумаги. Рядом что-то шевельнулось.

— Менять... чип... чип...

Сплющенный, исковерканный Оракул вздрагивал в осколках стекла. Ёж протянул к нему руку. Не повезло машинке. Какая нелепость. Предсказатель не предсказал. Смешно. И не до смеха. Он прикоснулся к Оракулу. Пальцы ужалило разрядом тока, тёплая дрожь корпуса походила на пульсирующую живую плоть. Ёж отдернул руку. Накрыла волна едкого дыма. Вцепившись в кривую железку перил, он вытянул тело вверх и развернулся.

Прохода в комнату не существовало. Чёрная дыра в стене. Острые лучи пластика и лохмотья занавески. Измятый каркас с обломками керамической плитки и бороды утеплителя. Ёж сделал шаг и увидел рваную корму тяжёлого скутера, торчащую из обломков мебели. Вспоротая кровать дыбилась горкой в углу. Чёрной подпалиной дымило одеяло. Вместо шкафа груда изломанных полок. Лица-маски, засыпанные опилками. Ёж наклонился, поднял с пола маску Доктора Чумы, протёр рукавом длинный клюв из папье-маше и, не думая, не понимая зачем, надел её на голову. В прорезях глаз рассмотрел человека, лежащего на боку у стены. Спина горбом, колени поджаты к груди, руки на затылке. Скрюченный

комком в бордовом пятне на бежевом ковре.

— Мать вашу!

Ноги вдруг ослабли. Ёж навалился плечом на стену, сполз вниз и потерял сознание.

В пепельнице дымила сигарета.

Коротко стриженный человек поправил на груди значок: «747», поднял со стола маску, щёлкнул ногтем по клюву и спросил:

— Что это такое?

Ёж выронил ватный диск с пятном крови, спустил рукав рубашки, отрешённо ответил:

— Венецианская маска. Доктор Чумы.

Человек покачал головой, покосился на врача, упаковывающего саквояж. Врач хмыкнул:

— Это не ко мне, инспектор.

Инспектор улыбнулся, застучал пальцами по столешнице:

— Ну, разумеется.

Сигарета истлела до фильтра. «747» плюнул в пепельницу, вздохнул:

— Как вы его звали?

— Кого?

— Вашего спасителя.

Откинувшись на спинку стула, инспектор сложил руки на животе, подобрел взглядом.

— Ну, знаете, многие дают им имена. Одомашнивают, так сказать. Воспринимают как живое существо, как члена семьи, если хотите.

— Я не совсем понимаю, — Ёж чувствовал, как уходит апатия, уступая место гневу, ожесточению.

Инспектор улыбнулся, развёл руками.

— Ну, как же? Разговор о персональном электронном предвещателе. Он ведь вам жизнь спас. Вовремя оттолкнул. А сам в лепёшку.

Ёж стиснул кулаки.

— Что вам от меня надо? — голос сорвался в кашель.

Инспектор перевёл взгляд на врача.

— Нормальная реакция, — сказал тот, — оживает после укола, — кивнул и вышел из комнаты.

— Ёж Раковски, вас не удивляет, почему вы оказались в отделении контрольной службы? — голос звучал жёстко. «747» встал, обогнул квадрат стола, присел рядом на свободный стул.

— Давайте сообразим вместе. Свихнувшийся автопилот разнёс вдребезги ваше жилище, покалечил водителя такси, подверг вашу жизнь смертельной опасности, а вы, вместо того чтобы снимать стресс в больнице, или если будет угодно, в баре со стаканом бренди, находитесь здесь. Почему?

— Почему? — Ёж смотрел исподлобья.

Контролёр повеселел, засветился радостью.

— Вы неудачник, Раковски!

Ёж дёрнулся. Инспектор встал, положил руку ему на плечо, ласково зашептал на ухо:

— Вас ждёт имплантат, милый мой. Вы теперь не гражданин, вы пациент.

Недобрые слова отозвались болью в сжатых кулаках, в стиснутых зубах.

— Вы не имеете право!

— Имеем, — «747» отошёл на шаг, склонил голову набок, поиграл бровями.

— Таков закон! Общество не терпит неудачников. Впрочем, у вас будет шанс.

Предательский холодок скользнул по спине, снизу-вверх. Ёж закрыл глаза. Надо считать слонов. Успокоиться и считать слонов. Это просто дурной сон. Пьяный субботний бред.

— Ваш показатель невезения из месяца в месяц балансировал у критической отметки, — он едва различал слова инспектора, словно они долетали из другой комнаты, другого мира. — Два раза вы носили жёлтый нарукавник неблагонадёжности. Участковый контролёр докладывал о вашем неподчинении. Каждый час, каждые сутки вы распространяли вокруг себя проказу неудач. Закон не может закрывать на это глаза до бесконечности.

— Что со мной будет?

Вопрос остался без ответа. Инспектор изливал наборы выдуманных истин.

— Закон гарантирует порядок. Порядок подразумевает счастье.

Ёж не выдержал и закричал:

— Что со мной будет?

— Спокойней, молодой человек. Вам подберут такого же, как вы, пациента, ожидающего имплантат. Смешают сознание, соединят личности. Кстати, вы ничего не имеете против, пострадавшего водителя такси? Этот неудачник потерял зрение, селёзёнку и возможность передвигаться ближайшие год-два. Печально, конечно, но у вас будет форс — вы останетесь в своём теле. И что может быть более убедительным, более удачливым, как не победа над

чужим «я». Вы согласны?

Ёж распахнул глаза. Дикость, дикость. Это не должно с ним происходить.

«747» крутил в руках маску.

— Раковски, а ведь у вас есть опыт менять лица, правда?

В помещение заглянул доктор, поманил пальцем инспектора. Тот нехотя поднялся, скрылся за дверь. Ёж упёрся локтями в стол, обхватил голову руками. Бежать, бежать отсюда. Немедленно. Куда? Как? Может быть, стоит подчиниться, рискнуть, пережить чужака, победить, стать нормальным гражданином. Он почти ненавидел умирающего таксиста. И совершенно определённо желал его смерти. Ему стало страшно, закружилась голова. Серые стены двигались навстречу друг другу.

— Ситуация несколько изменилась, — вернулся инспектор, встревоженный, серьёзный.

— Какая у вас кредитная история? — сходу задал он вопрос.

Ёж затряс головой. О чём он?

— Я спрашиваю, есть ли у вас обязательства по применению вживляемых приспособлений индивидуальной рекламы?

Ёж взъерошил волосы на затылке, показал пятнышко чипа.

— Понятно, — инспектор выдвинул из стола монитор, затыкал пальцем по экрану.

— Сейчас мы поиграем в игру, — сказал он, не поднимая глаз. — Я буду задавать вопросы — вы коротко отвечать. Быстро и правдиво.

Договорились?

Ёж растерянно пожал плечами.

— Вы знакомы с Йасси Простон?

Он не ожидал услышать это имя, отпрянул, завозил ногами по полу.

— Отвечайте!

— Да!

— Когда вы виделись с этим человеком в последний раз?

— Около года назад.

— При каких обстоятельствах?

— Она собрала вещи и ушла.

— Вы проживали вместе?

— Да.

— Как складывались ваши отношения после разрыва?

«Что тебе нужно, тупой ублюдок? Куда ты лезешь?»

Ёж сплюнул на пол. Инспектор поднял палец вверх, скривил лицо.

— Отвечайте!

— Мы не встречались.

— Вы получали от неё какие-либо подарки, вещи, электронные устройства?

— Нет! Послушайте, инспектор, к чему эти вопросы? Причём тут Йасси?

«747» резко встал.

— Вы знали, что пять месяцев назад Йасси Простон скончалась?

— Что? Что вы сказали?

Слова скользнули мимо, срикошетили о стену, вернулись назад и ударили под дых. Не может этого

быть! Внутри что-то оборвалось, улетело, унеслось в холодный вакуум. Осталось пустое тело, тощая оболочка.

— Сердечная недостаточность, Раковски. Хорошо меня слышите? Не-до-ста-точ-ность!

Инспектор стоял рядом, заглядывал в лицо. Ёж упёрся взглядом в стол.

— В последнее время вы не испытывали тягу к женским вещам? У вас не появились новые привычки? Не мучают ли вас ненормальные сексуальные влечения?

Ёж подскочил:

— Что ты несёшь... четыреста сорок седьмой?

Инспектор толкнул его на стул, поправил значок на груди, ядовито улыбнулся.

— Знаете, Раковски, вы необычный пациент. Ваши неудачи столь велики, что можно говорить о положительной стороне дела. Что вы слышали о новом законе: «имплантат для умирающих»?

Не получив ответа инспектор продолжил:

— Вижу, что законы вы не только не чтите, но и не чтёте. А уже очередь на добровольцев готовых принять почивших, расписана на год вперёд. Льготы, свободы, поощрения. Это теперь и к вам относится, мой добрый удачливый друг. Вы стали везунчиком, Раковски! Как по мановению руки, раз и в дамки.

Ёж закрыл лицо руками.

Инспектор не останавливался, говорил, картаво коверкая слова:

— Можно только догадываться, каким образом часть

матрицы Йасси Простон попала к вам в сознание. Возможно, был использован канал микрочипа рекламы. Или.... Но, не волнуйтесь, мы проведём расследование. Сделаем дополнительное сканирование мозга, полную расшифровку. Вы, надеюсь, не будете против? Надо вас и в активном состоянии просветить. Знаете, когда человек в отключке не во все тупички и закоулки можно пробраться. Да, я вас собственно больше и не задерживаю. Можете идти.

Инспектор хихикнул:

— Надеюсь, скоро увидимся, и надеюсь, это будете ещё вы, Раковски.

Ёж оторвался от стула, покачиваясь, пошёл к выходу. Ему казалось, что сейчас последует окрик, его остановят, или ещё хуже, уведут, спрячут, закроют в тесной камере.

— Раковски!

Ёж схватился за ручку двери. Сердце бешено колотилось.

— Вы маску забыли.

— Это подарок, — прошептал он и открыл дверь.

Надо было спешить домой, в развороченную квартиру, на балкон, где лежал умирающий Оракул — подарок любимого человека.

Отзывы читателей

Птица Сирин

Подкупает скульптурная ясность фраз. Жесты и движения персонажей настолько зримы, что воспринимаются как кинокадры. И это относится не только к внешнему действию, но и к описанию того, «чего не может быть»: «Слова скользнули мимо, срикошетили о стену, вернулись назад и ударили под дых».

Смена образа жизни заявлена сразу, в «рваном» поведении героя, когда он пытается и не может отделить от себя воспоминания о Йасси. Россыпь масок — как материализация того, что скоро станет с его личностью. Сверхзадача рассказа — понять, благо или зло это растворение личности в человеке, которого любишь, борьба своего «эго» за самостоятельность и готовность отказаться от нее ради спасения другого — это уже не просто фантастика, это просто Литература.

Отдельное спасибо хочется сказать автору за то, как скупыми штрихами он создает, конструирует необычный мир своей собственной, на другие не похожей антиутопии. Мир, где зыбкий прогноз является законом, а закон — неясным предсказанием.

Любопытно рождается характер Йасси — самой ее нет, но Ёж живет ею, ее памятью, сознанием и приглушенной болью. Поэтому финальный «выстрел» с раскрытием факта подселения сознания Йасси и неожиданен, и убеждает.

bbg

Тема: -

Понимаете? Её совсем нет! Я ничего не могу сюда написать. Нет в тексте ни одного события, которое меняет жизнь героя. Резко меняет. Очень хочется за такое событие зачесть известие о смерти Йасси — но это будет нечестно! Зачесть сбывшееся предсказание? Оно сбылось в некотором роде... Но герой тут тоже ни причем. Жалко.

Или, возможно, тема в том, что Ёж узнаёт о частичке сознания Йасси в себе? Вот! Пусть простит меня оргкомитет... Я нашел этот минимально необходимый мне балл! 1/2.

Язык: Великолепный! Клянусь, я каждую фразу перечитывал дважды — как смысл и как конструкт. Как бы я хотел научиться писать такими фразами: «Словно серебряные гвоздики!» — пришла в голову странная мысль. Водяной крап прыгал по рассыпанным листам бумаги.» Я впечатлен. Полный зачёт!

Увлечательность: Я перечитал рассказ дважды - оба раза он закончился неожиданно. Здорово. Зачет!

Идея: Мир, в котором невезучесть приравнивается к преступлению. Это по меньшей мере неожиданно. Мир, в котором наказанием служит посадка посторонней личности. Это жутко. Но там тоже люди, и они живые. Зачет!
Личные впечатления: Неужели непонятно?!

Итого. Оценка почти максимальная. Очень хотел бы увидеть этот текст (осторожно) в тройке победителей.

[etoneyava](#)

Шесть первых строк просто восхитительны... дальше всё не так просто.

Прогностически-ориентированный мир? Это интересно. Нет, правда, я думал во время чтения не о рекламе в сомнительных газетках, а о нормальных математических прогнозах... Вообще текст будит множество ассоциаций в моём изуродованном тысячами образов сознании. Чёрт, я не в состоянии оценивать опус рационально...

Я понимаю, что мне надо что-то сделать, чтобы Администрация конкурса не сочла меня заинтересованной стороной, но... я не могу раскладывать ЭТО по полочкам линнеевской классификации. Замысел, сюжет, язык... полотно, в конце концов... Да неужто не видно: вещь замечательно хороша!

»- Закон гарантирует порядок. Порядок подразумевает счастье».

Я — счастлив!

[ofashadow](#)

В рекламных чипах я не силен, но вот противогаз одевается не сверху вниз, а сначала натягивается на подбородок. Не уловил, в чем проявляется вживленная личность девушки. Предсказание оракула утром нового дня для ГГ вообще не в тему. И не стреляет. Раз в начале висит ружье, то в конце... Ну, вы в курсе, как там по Чехову... Мотивы поступков девушки не ясны. Почему она ушла от Ежа? Потому что знала, что умирает? Мне кажется, он и так согласился бы вживить ее личность...

В целом, не обращая внимания на противогаз и прочее, написано неплохо, но вот тема раскрыта не полностью. Как по мне, не вижу никакой кардинальности и радикальности каких-либо перемен в образе жизни ГГ и того, как он к этому приспособливается.

Мой вердикт: иже еси, Ёжи-мнемоник.

[sanbar](#)

В целом, неплохо, хотя и несколько сумбурно. Мир, нарисованный несколькими скупыми масками, интересен и парадоксален. Сюжет любопытен. Автор, по всей видимости, увлекается компьютерными технологиями,

поскольку основное допущение сюжета — аналогия между личностью человека и программным обеспечением, допускающая не только запись, хранение и передачу психической матрицы и памяти по беспроводным сетям, но и довольно нетривиальные способы ремонта психики с помощью конъюнкции личностей. Тема раскрыта весьма специфически, однако несомненно.

пан Туман

Интригующее название, не так ли? Что за Йасси? Кто такой Ёж? Трудно не зацепиться и пройти мимо — тут автор молодец.

Зацепившись, начинаешь читать. Здесь ещё есть возможность бросить, если не понравится, и пойти сделать себе бутерброд. Но читаешь и не бросаешь — автор уверенно подогревает интерес. Он, автор, уже дважды молодец — привлёк и удерживает. Бутерброд забыт. Тайна личности Ежа раскрыта, но есть ещё Йасси. А ещё — мир, где Ёж и Йасси живут. Мир, который, кажется, здорово поехал на астрологии и гороскопах. Тут хочется задуматься — «а как это?» — но автор не дает. Действие летит дальше и надо попевать...

Автор трижды молодец — заскучать он мне так и не дал, хотя обычно я засыпаю на третьем абзаце. К тому же эти короткие отрывистые предложения! Я сам всегда пишу длинными да ещё и постоянно отягощаю их, поэтому всегда удивляюсь, какой эффект бывает от коротких. Стиль, вообще, у автора хорош — выверен, насыщен. Беда в другом. При такой, во всех отношениях, достойной работе финал-то автор не дотянул, что называется «не стрельнуло». Не похоже, что то, о чем говорит инспектор имеет место быть — не меняются у Ежа привычки (или что-то ещё). Всё, что с ним происходит — вполне возможно и без вмешательства. Вот если бы чуть-чуть, буквально парой штрихов подправить начало, было бы вообще хорошо. А так, смазал впечатление. Отзывы читателей

Отзывы жюри

nika-tyan

Сильный рассказ. Ясный, внятный сюжет, чистый язык, приятный, бодрый, соответствующий внутренней логике текста темп повествования. Удачное, звучное название. Цельная вещь. Может быть имело бы смысл добавить ещё закорючку на финал, чтобы сделать его не таким очевидным, но в общем и так удачно вышло :)

С.Соболев

Недалёкий мир будущего забитый рекламой по самое немогу и что из этого вышло. Краткость в данном случае не сестра таланта.

rusty_cat

По языку я, кажется, даже не зацепился. Ни в сторону «плюс», ни в «минус». Нормальный, вполне соответствующий миру и сюжету, не сверх, но и без лишних изысков.

А вот впечатление от рассказа: никакое. Или говоря обыденным языком: и че? О чем, зачем, для чего? Карнавал масок. Сцена с противогазом. Сцена на стоянке глайдеров. И далее.

В общем, идею я уловил, но не почувствовал. А без этого — никак.

kerigma

Странно-безумная история в духе Дика, и, тем не менее, как-то неуловимо задевает за живое. О настолько фантастических текстах всегда сложно говорить, потому что, имхо, классические методы лит.анализа к ним не совсем применимы. К примеру, что можно сказать о прописанности места действия, когда по объему отведенного ему текста вроде бы все ок, но все равно мало что понятно и хотелось бы еще узнать об этом новом и интерес-ном мире. С другой стороны, с персонажами все понятно — классическая такая трагическая любовная история, нет повести печальнее на свете. Хотя — и, по моему мнению, это большая заслуга автора, что нельзя предсказать заранее, чем все обернется в итоге.

С другой стороны, тема любви-расставания-спасения — чуть ли не самая неисчерпаемая, и отлично вставляется в любой антураж. Тут автору удалось очень ловко ее вписать, не пускаясь в неуместные подробности и воспоминания, а как бы между делом, но все, тем не менее, очень понятно. Композиционно, имхо, сделано не то чтобы удачно — по-тому что я не вижу особо хитрых поворотов, но тем не менее очень качественно, так что финал, когда к нему уже дошли, кажется единственно возможным и правильным, но по мере чтения совершенно не ясно, что же будет в конце.

Отдельный момент — это, конечно, совершенно иной мир будущего, очень здорово показанный. С одной стороны, основные отличительные моменты понятны, а с другой, создается четкое впечатление рутины, как оно и есть, собственно, для героя-репортера. Рисовать странные будущие миры всегда сложно и читать про них интересно, так что рес-пект автору, что взялся за такое.

Alter Ego

Читая этот рассказ, я не переставал удивляться. Удивляться и радоваться. До чего же ладная вещичка! Давно

мне не попадалось ничего подобного в короткой прозе. Даже у признанных мастеров малой формы вроде Эллисона не каждый рассказ доставляет столько удовольствия. Семь страниц пронесли перед глазами как одна. Через иные, даже очень неплохие тексты приходится продирааться, а тут единственное, что вертелось на языке после прочтения: «Еще!»

Ну ладно, попробуем оставить весь субъектив в стороне и взглянем на текст вооруженным глазом. Несмотря на разумные опасения (все-таки непрофессиональный конкурс), и под лупой его вид несколько не тускнеет: с технической точки зрения автор тоже на высоте. Стиль, на мой взгляд, очень близок к идеалу. С одной стороны, он лишен ненужных в коротком рассказе (а по большому счету и вообще где бы то ни было) длиннот, минималистичен, а с другой – изобилует яркими, запоминающимися образами. Что бы автор ни описывал, элементарные действия Ежа (что за странное и в то же время знакомое имя!) или вид раскуроченной взрывом комнаты, делает он это так, что даже зависть берет: емко и красочно, мастерски вплетая в свои описания несложные, но очень меткие эпитеты и метафоры. Пожалуй, кроме неба, которое «поднималось вертикальной стеной» и придаться-то не к чему. Язык автора также весьма неплох, без излишних вычурностей, к которым часто прибегают новички, стремясь выделиться из общей массы, в меру разнообразен и выразителен. Диалоги воспринимались моим внутренним ухом легко и естественно. И только фраза «...не только не читте, но и не чтёте» поставила меня в тупик, но, возможно, я просто чего-то не знаю или не понял.

Хотя текст и разделен сюжетно на несколько небольших отрывков, от начала и до конца он ощущается цельным и психологически убедительным. Обычно я остро чувствую психологические неточности, имеющиеся в тексте, и сразу же улавливаю робость молодого автора, не решающегося отбросить все сомнения и написать не по канону, а по велению сердца. Однако тут ничем подобным и не пахнет. Автор уверенно владеет не только словом, но и собственным воображением.

Сюжетно рассказ кажется весьма выверенным. Действие нигде не провисает и при этом оставляет пространство для ненавязчивых и по-своему занятных размышлений героя. Конечно, этот рассказ нельзя назвать сколько-нибудь идейно глубоким, нет в нем ни философского подтекста, ни нравственной дилеммы, но в жанре фантастического детектива этого и не нужно. Логичное же в данном случае требование к увлекательности повествования удовлетворено здесь сполна.

Вы спросите: но как же без ложки дегтя? Действительно, как без нее? На мой взгляд, единственное, что немного портит впечатление от этого замечательного рассказа, – это концовка. Какая-то она вышла смазанная. И хотя все вроде бы логично: чаши весов, на которых покоится дальнейшая судьба героя, качаются дважды и до самого конца трудно предположить, чем все завершится, – как-то слишком много вопросов остается после прочтения. И про Йасси, и про слияние, и про происхождение Оракула. Я перечитал последнюю страницу

трижды, но так и не уяснил до конца всех нюансов юридической казуистики, которой следователь потчевал Ежа.

Тем не менее, мой вердикт – отличная работа! С более внятно выписанной и логически четкой концовкой этот рассказ мог бы с легкостью стать для меня главным претендентом на победу в конкурсе. Впрочем, хотя знакомство с большинством рассказов у меня еще впереди, «Йасси-Ёж» уже сейчас можно смело назвать одним из моих фаворитов.

Pickman

Лучше бы Лондон – Париж.

Чувство меры уходит в отрыв... отрывается... летит.

Сплошные «слишком».

Слишком много восклицательных знаков (и многовато вопросительных). Так общались герои классицистов – напудренные и нарумяненные дядьки в париках. Странно видеть эту патетику в циничном будущем, где людей судят за ерунду вроде невезучести.

Слишком вычурный язык (почти как в этом отзыве), несообразный требованиям сюжета. Опять-таки, вспоминаем классицистов и барокко. Вспоминаем – и как можно быстрее забываем. Такие кунштюки не всегда удавались Желязны, Бестеру и Эллисону. Здесь они превращают трагедию в кислотный фарс – по-своему обаятельный, но не обязывающий к чтению.

При всей своей вычурности, стиль страдает аноректической худобой. Дело вкуса, разумеется. Но если уж взят курс на барокко, капелька словесного жира не помешала бы. Минимализм получился вымученным, непохожим на себя самого. Лучше уж равняться на Хемингуэя – а если нет, гнать в шею ненужные «измы».

Слишком много тем и мотивов на семи страницах. Им тесно, душно, тоскливо – хотя некоторые очень даже хороши.

Слишком мало в рассказе Йасси. Возможно, она стоит за каждой строкой, начиная с первой – но не грех бы тогда сделать это присутствие чуть более зримым. Ёж остается Ежом, о произошедшей с ним перемене мы знаем лишь со слов инспектора. Не хватает живой человеческой боли.

Слишком много неясностей в концовке. Об этом уже писали.

...А может, все эти «слишком» принадлежат не автору, а мне. Истина в глазах смотрящего, а от близорукости не застрахован никто.

От излишеств, впрочем, тоже.

stogsena

Вид на гору Фавор — Именем твоим — Йасси-Ёж

Объединены общей тематикой — перенос сознания/психоматрицы от одного тела к другому. В первом случае это происходило мистическим образом при непосредственном контакте. Во втором — посредством машинерии, которой помешал сбой, и пришлось опять использовать мистический элемент. В третьем мистики почти нет, есть только маленькое подготовленное чудо. Налицо динамика в сторону усиления НФ-составляющей. Тут надо сказать следующее: как всякий консерватор, я предпочитаю стейк солянке, а традиционный брак полигамии. Не люблю смешенье языков и всяческую суету. Поэтому, на мой взгляд, в процессе перехода в фазе 2 (Именем твоим), пока автор стоит враскорячку, качество товара несколько падает, зато после завершения перехода все окупается. Имеем цельную вещь, пусть и не страдающую особой новизной.

Читая «Й-Ё», с ностальгией вспоминал ребусы/кроссворды первый двух историй. В новом произведении все совпадения Раковски и 747 с реальными лицами случайны. Это очень простая история. О том, как Йасси (видимо, сокр. от Ярослава) ушла, и мир померк. Нуаровая атмосфера «Й-Ё», с фонарными бликами на мокром асфальте, висящими глайдерами-такси, вызывает из памяти картинку «Бегущего по лезвию», немного «Пятого элемента», которые, в свою очередь, готовят нас к нормальному восприятию антиутопических реалий Ежового мира. Аларм: несколько сомнительной мне показалась находка со смешением личностей неудачников. Тем более, что она и движет сюжет, показывая техническую возможность процесса и оправдывая определение наличия «подселенной» личности у героя. Не очень верится, что более сильная личность из двух станет более удачливой. Что еще? Мне нравится разгадывать ребусы и не очень — читать очередные простые истории, играющие на архетипах. Но что поделать, если эти истории — то, чем мы живем? То берег — то море, то солнце — то вьюга, то ангелы — то воронье... Две вечных дороги — любовь и разлука — проходят сквозь сердце мое. Теперь о финале. Он вовсе не напоминает громopodobный катарсис «Фавора», а сродни, напротив, развязкам классического детектива, где главный сыщик раскрывает все. То есть, все уже случилось, только мало кто разобрался. И Яся перенесла психоматрицу в Оракула. И, уже Оракулом, на мгновение ставшим живой плотью, спасла — ценой индивидуальной псевдожизни? — Ежи. И — последним разрядом тока через руку пока еще половины героя — добралась таки до его чипа, спасая еще раз.

По раскрытию темы: за такой срок Еж, вдруг ставший Йасси-Ежом, не успевает выказать изменений, только надеть маску и упасть в обморок. Что можно посоветовать? Все же рассказ получился более визионерским, нежели психологичным, а именно через переживания можно было бы показать некоторые изменения личности Ежа. Внутренним блиц-монологом, парой-тройкой мыслефраз, как это было «до» об одиночестве. Хотя, если посмотреть на это дело со стороны Йасси...

Йасси — Ёж

Резюме. Обычная, пусть и антуражная история с неярким финалом. Все уже случилось, но/и это становится ясным только в конце. Ничего не имею против.

